

Евгений Гаглюев

ПАРДУС

ВОССТАВШАЯ
ИЗ ПЕПЛА

Евгений Гаглов
Восставшая из пепла
Серия «Пардус», книга 5

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22067922
Евгений Гаглов Восставшая из пепла: РОСМЭН; М; 2016
ISBN 978-5-353-08140-1

Аннотация

В пятой книге серии «Пардус» Никита знакомится с двойником своей погибшей подруги Ксении – Татьяной. Судьбы Татьяны и Никиты неразрывно связаны с историей профессора Штерна и его жуткими экспериментами, оба замешаны в одних и тех же событиях – просто удивительно, что их пути не пересеклись раньше. Благодаря Тане Никита узнает много нового о своих врагах из «Черного Ковена» и корпорации «Экстрополис», а также о друзьях, с которыми он уже не надеялся увидеться вновь.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	33
Глава четвертая	39
Глава пятая	52
Глава шестая	66
Глава седьмая	78
Глава восьмая	87
Глава девятая	109
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Евгений Гаглов

Восставшая из пепла

В серии «Пардус» вышли книги:

1. Бегущий в ночи
2. Повелевающая огнем
3. Спящая во льдах
4. Сотрясающий землю
5. Восставшая из пепла

© Евгений Гаглов, 2016

© ООО «РОСМЭН», 2016

* * *

Глава первая

Кто ты?!

Когда он увидел ее... Нет слов, чтобы передать, что испытал Никита Легостаев. Шок, волнение, ужас, удивление, радость – все эти чувства разом смешались в термоядерный коктейль, едва не сорвавший парню крышу.словно земля вдруг разверзлась под ногами, а среди ясного неба грянул оглушительный гром.

Лучший друг Никиты Артем Бирюков в таких случаях обычно говорил: «Так вот ты какой, сердечный приступ!» Нечто похожее сейчас испытал и Легостаев, увидев перед собой ее – абсолютного двойника Ксении Воропаевой – девушки, которую он любил и которую отняли у него таким ужасным образом.

Тот же рост, то же телосложение, осанка. То же самое милое лицо, приятная улыбка, ясные голубые глаза. Густые каштановые волосы, стриженные, правда, более коротко. Тот же изгиб губ.

Девушка, похоже, тоже немало удивилась, столкнувшись с Никитой. Вид у нее был очень растерянный... и даже слегка напуганный.

Никита не сразу заметил возникшего за ее спиной Панкрата Легостаева, своего двоюродного брата. Панкрат рабо-

тал следователем в особом отделе Департамента безопасности, многое повидал на своем веку, но и он сейчас выглядел не менее растерянным, чем девушка. Точно так же переводил потрясенный взгляд с Никиты на сопровождавшего его Гордея Лестратова. И не мог вымолвить ни слова.

– Так... – выдохнул ошеломленный Гордей. – Пожалуй, кому-то из нас следует уступить дорогу.

Панкрат наконец стряхнул оцепенение, обнял девушку за плечи и быстренько повел ее прочь. Никита только теперь понял, что брат сопровождал ее. И двигались они со стороны палаты Марины, его сестры!

– Кто ты?! – крикнул Никита вдогонку девушке, хотя и так прекрасно знал ответ.

Девушка молча обернулась и посмотрела на него.

– Мы очень спешим! – быстро проговорил Панкрат. – С радостью поболтали бы, но нам страшно некогда!

Никита рванулся за ними следом.

– Кто она?! – крикнул он. – Панкрат!

Явно не Инга Штерн, это чудовище в человеческом облике.

– Сестра Ксении, ее близнец, – торопливо пояснил Панкрат. – Она ведь была приемным ребенком... Нам совершенно случайно удалось разыскать ее близкую родственницу.

Они быстро вошли в лифт. Но Никита следовал за ними по пятам.

– Панкрат, мне нужно с ней поговорить! – умоляюще про-

изнес он.

Однако Легостаев жестом остановил его:

– Никит, не горячись. В настоящий момент девушка проходит свидетелем по одному очень серьезному делу. Оставь ее в покое, она и так напугана происходящим. Ей нельзя сейчас светиться перед людьми. Навести лучше сестру. Помому, Марине стало куда лучше.

Девушка, прищурившись, глянула на Никиту и надвинула пониже на лоб капюшон плаща. Двери лифта бесшумно закрылись, и кабина двинулась вниз. А Никита остался наедине с Гордеем. Они ошеломленно переглянулись.

– Как такое возможно?! – только и смог вымолвить Легостаев. – Это ведь Татьяна... Второй клон... Откуда она взялась? Как о ней узнал Панкрат?! Мне с ней столько нужно обсудить!

Гордей покачал головой:

– Не слишком обольщайся. Она не бросится тебе на шею. Это ведь не Ксения, с чего ей с тобой откровенничать? Ты совершенно не знаешь эту девушку, а она не знакома с тобой...

– Я понимаю! Но все же...

Никита снова нажал кнопку вызова лифта.

– Мне нужно узнать, где она живет! – сказал он. – Проследим за ними!

– Но разумно ли это?

– А как бы ты поступил на моем месте?! – горячо спросил

Никита.

Гордей хотел что-то ответить, но промолчал. Он кивнул и положил руку на плечо парня.

– Иди к своей сестре, – спокойно сказал Лестратов. – Не стоит возбуждать у Панкрата лишние подозрения. Я сам все сделаю. Попробую узнать, где они ее держат.

– Правда?

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

Гордей шагнул в подъехавший лифт, и двери за ним закрылись. А Никита отправился в палату сестры, все еще не веря в происходящее.

Марина и правда выглядела гораздо лучше. Ее лицо порозовело, дыхание выровнялось. А ведь еще совсем недавно врачи сомневались, что девушка вообще придет в себя.

Никита не представлял, что бы с ним стало, если бы она погибла. Да, Марина постоянно гоняла его и угощала подзатыльниками, но он любил ее. И едва не потерял из-за Тени.

Легостаев крепко сжал кулаки. Неизвестно, что в действительности случилось с этим метаморфом, после того как его буквально утащил за собой грузовик, но Никите хотелось верить, что он никогда больше его не увидит.

В палату заглянула тетя Лена, младшая сестра отца. Она работала в больнице и, как только появлялась свободная минутка, сразу спешила к племяннице.

– Привет, Никитос! – Тетя ласково потрепала его по плечу. – Как она?

– Вот вы мне и скажите, – не сдержал улыбки Никита. – Кто из нас двоих врач? Выглядит она хорошо...

Тетя Лена подошла к кровати и в замешательстве остановилась.

– Даже слишком хорошо! – удивилась она. – Но как? Я заходила сюда час назад, и она... О боже!

Она склонилась над Мариной, взяла ее за запястье, послушала пульс.

– Сердцебиение в норме! Жар тоже снизился. Это просто чудо какое-то!

Женщина поправила сбившееся одеяло и вдруг застыла. Потом медленно подняла край одеяла и заглянула под него. Затем ошарашенно уставилась на Никиту.

– Что? – испугался Легостаев.

– У нее повязка на груди сдвинута. А шрам... Он просто исчез!

– Как это?

Тетя Лена отогнула край повязки на груди Марины. В том месте, куда проклятый Тень вонзил свой меч, у девушки оставался ужасный шрам. Раньше оставался... Сейчас на гладкой коже виднелась лишь едва заметная красная полоска. Рана полностью затянулась! Никита и тетя Лена озадаченно переглянулись.

Марина в этот момент пошевелилась и что-то тихо проворковала. Они одновременно склонились над ней и прислушались.

– Мамочка, колбаски порежь, – пробубнила Марина. – Апельсин у меня полбутерброда сожрал...

– Она приходит в сознание! – восторженно воскликнула тетя Лена. – Раз о колбасе заговорила, теперь точно выкарабается! Это просто чудо какое-то! – повторила она.

– С ней все будет в порядке?! – не веря своим ушам, спросил Никита.

– Да с ней уже все в порядке! Она просто спит! Не понимаю, как такое возможно! Я позову главного врача!

Тетя выбежала из палаты, а Никита остался наедине со спящей сестрой. Мысли вихрем крутились у него в голове. Отчего-то он не сомневался, что чудесное выздоровление Марины напрямую связано с визитом Татьяны Федоровой. Ксения была метаморфом. Значит, и ее генетический двойник также должен обладать какими-то способностями. Но какими?

Ксения... Он снова вспомнил о ее трагической гибели. Вернее, об убийстве! Кулаки юного оборотня крепко сжались, выдвинувшиеся когти до боли впились в ладони.

Как же он ненавидел Ингу Штерн и ее отца! Это они были виноваты во всем! Они и руководство корпорации «Экстрополис», спонсировавшее все бесчеловечные эксперименты Штерна. А еще репортерша-метаморф Лидия Белохвостикова, помогавшая похитить Ксению. И Цирцея Сэнтери, эта повелительница ворон, злобная садистка из «Черного Ковена».

Ну, ничего!

– Они за все ответят! – вслух произнес Никита.

Пусть только попробуют снова встать у него на пути! Никита еще раз взглянул на сестру, затем вышел в коридор, чтобы позвонить родителям и сообщить им радостное известие.

* * *

Гордей Лестратов позвонил Никите лишь два часа спустя. За это время новость о невероятном выздоровлении Марины Легостаевой разнеслась по всему городу. Родители Никиты примчались в больницу первыми. Сразу за ними появился жених Марины Андрей Чехлыстов, а затем потянулись многочисленные друзья и сотрудники газеты «Полуночный экспресс». Когда в палате стало совсем уж многолюдно, Никита вышел в коридор. В этот момент в его кармане и зазвонил мобильник.

– Я проследил за ними, – сообщил Гордей. – Пришлось изрядно поколесить по городу. Оказывается, у этой девушки очень насыщенная жизнь!

– Ты узнал, где она живет? – спросил Легостаев.

– Ты не поверишь! В квартире прокурора Воропаева.

– Отца Ксении?! – удивился Никита. – Так она и с ним знакома?

– Наверняка, если имеет отношение к Департаменту безопасности. Представляю, какой шок испытал Павел Васильевич, когда ее увидел.

– Может, это и к лучшему, – произнес Никита. – Он сейчас убит горем...

– Все равно как-то странно. Только что похоронил дочь и тут же поселил у себя ее двойника...

– Может, так ему легче справиться с потерей? – предположил Никита.

– Его сейчас даже нет в Санкт-Эринбурге! Он с головой ушел в работу. Уехал в командировку в столицу...

– А Людмила Афанасьевна? Они вроде начали встречаться.

– Они уехали вместе, – ответил Гордей. – Я слышал об этом в учительской.

– Вот как? – оживился Никита. – Значит, Татьяна живет в квартире Воропаева одна! Нам это только на руку. Я отправлюсь к ней сегодня же ночью.

– Спятил? – спокойно осведомился Гордей. – Думаешь, все так просто? Квартиру охраняют.

– Двери, возможно. Но не окна!

Гордей помолчал.

– С тобой пойти? – спросил он наконец.

– Не стоит, я сам справлюсь. Да и что мне может там угрожать?

– А если Воропаев вдруг вернется?

– Я знаком с Павлом Васильевичем, да и Татьяна вроде настроена не очень воинственно.

– Ну смотри... – усмехнулся Гордей. – Мое дело предло-

жить.

К дому Воропаевых Никита отправился ближе к полуночи.

Квартира прокурора располагалась в величественном высотном здании в несколько десятков этажей. Павел Васильевич жил на девятом.

Дверь подъезда, естественно, оказалась закрыта, у входа дежурил консьерж. Легостаев видел его через большое окно. Но с некоторых пор для Никиты не представляло большой трудности пробраться в помещение на любом этаже.

Выпустив когти и стараясь держаться в тени, цепляясь за выступы и мраморные украшения фасада, он взобрался по стене здания, влез на подоконник нужной квартиры и замер, тщательно прислушиваясь. Раньше в этой комнате жила Ксения. Когда они договаривались о встрече, она оставляла окно открытым. Неужели это было совсем недавно?

В квартире не горел свет. Никита прильнул к темному стеклу и заглянул внутрь. В темном небе над его головой тускло сиял серп луны, почти скрытый черными тучами. В тусклом лунном свете Никита мало что мог разглядеть. Но в верхней части окна была оставлена небольшая щель. На такой высоте хозяева вряд ли опасались грабителей. Никита просунул руку, нащупал пластиковый рычаг и повернул его. Затем бесшумно открыл окно и легко протиснулся внутрь.

Он замер на подоконнике, прислушиваясь. В квартире стояла тишина. Никита легко спрыгнул на толстый ковер. В

комнате все выглядело точно так, как было при Ксении. Чистота, порядок, уют. Полки заставлены книгами по архитектуре и плюшевыми игрушками. В углу на рабочем столе темнел экран компьютера.

Легостаев подошел к двери и выглянул в коридор. В тот же миг что-то просвистело над его ухом. На голову Никиты обрушился мощный удар.

Парень бухнулся на колени и тут же откатился в сторону. Перед его глазами заплескали радужные зайчики, комната вдруг закружилась по часовой стрелке. А неведомый противник снова бросился на него, размахивая увесистой деревянной скалкой.

Никита быстро перекатился через голову, выставил перед собой руки и завопил:

– Стой! Я не причиню тебе вреда!

Татьяна остановилась перед ним со скалкой наперевес. Она была в черной шелковой пижаме. Девушка нахмурилась, затем насмешливо фыркнула.

– Вреда?! – воскликнула она. – Мне?! Вот насмешил! Смотри, как бы я тебе, вору, ребра не пересчитала!

Конец скалки, словно дуло пистолета, уперся Никите в лоб.

– Ты кто такой?! – грозно осведомилась Татьяна.

Парень на всякий случай отполз от нее подальше.

– Меня зовут Никита! – быстро проговорил он. – Мы уже виделись! Встречались сегодня с тобой в больнице!

Девушка нащупала на стене выключатель. В коридоре зажегся яркий свет.

– Гм, это и правда ты, – задумчиво произнесла она. – А это еще что такое?! – Она ткнула скалкой в его кисти.

У Никиты все еще торчали кошачьи когти.

– Не бойся, я все объясню, – поспешно проговорил он.

Когти втянулись и превратились в обычные ногти.

– Так ты оборотень, – спокойно сказала Татьяна. – Нечто подобное я и предполагала.

– Правда?! – изумился парень.

– Как еще ты смог бы взобраться на девятый этаж?!

Она наконец опустила скалку, позволив Легостаеву подняться с пола.

– Как-то спокойно ты на это отреагировала, – осторожно заметил Никита. – Что, не будет ни криков ужаса, ни истерик?

– А на тебя обычно так реагируют?

– Как правило, – немного смутился Никита.

Татьяна взмахнула скалкой.

– Я уже видела подобных тебе, так что когтями меня не испугаешь.

– Вот как? – удивился Никита. – Ты очень смелая...

– Если бы ты пережил то, что пережила я, посмотрела бы я на тебя, – с горькой усмешкой сказала она. – Так зачем ты сюда явился, оборотень Никита? У входной двери вообще-то дежурят охранники. Стоит мне крикнуть, и они ворвутся сю-

да.

– Я только хотел с тобой поговорить.

– О чем? – подозрительно прищурилась девушка.

Никита понятия не имел, с чего начать разговор.

– Я знаю, кто ты... – осторожно произнес он.

Татьяна скрестила руки на груди:

– Да неужели?

– Знаю, как ты появилась на свет. Знаю, что тебя давно считают мертвой, что у тебя даже есть собственная могила на ягужинском кладбище. И знаю, что ты побывала в доме профессора Винника незадолго до его смерти. Ты знала его? Была знакома с его дочерью?

Татьяна слегка побледнела.

– Ты действительно хорошо осведомлен, – тихо признала она. – Но откуда тебе все это известно?

– Я хорошо знал Ксению, – ответил Никита. – А она всеми силами старалась узнать правду о своем рождении. И кое-что ей удалось выяснить.

Татьяна молча взглянула на стену комнаты. Никита проследил за ее взглядом. Он увидел портрет Ксении. Девушка улыбалась, держа в руках большой букет цветов.

Татьяна тяжело вздохнула.

– Понятно, – произнесла она. – Я в курсе, что вы дружили. Мне ведь тоже знакомо твое лицо.

Никита изумленно вскинул брови.

– Не знаю, как это объяснить, – смущенно сказала девуш-

ка. – Иногда, во сне, я словно видела ее глазами. Возможно, между нами существовала какая-то странная телепатическая связь.

– Что?! – выдохнул Никита.

– Мне снилось, как я брожу в лесах у Ягужино. Как я спасаюсь от какого-то жуткого типа с железными руками. Как я гуляю по ночному городу с... – Татьяна смущенно осеклась. – С тобой. Но я понятия не имела, кто ты. И сегодня вдруг встретила тебя в больнице.

Никита слушал ее с широко раскрытыми глазами.

– У Ксении бывали странные сны? – спросила Татьяна.

– Если и бывали, она не говорила мне об этом, – признался Никита. – Она вообще старалась не делиться с окружающими своими переживаниями. Всегда улыбалась, даже если на душе скребли кошки.

– В этом мы с ней тоже похожи, – кивнула Татьяна.

– Это ведь ты подбросила ту папку моей сестре? – спросил вдруг Легостаев. – Компромат на руководство корпорации «Экстрополис»?

Девушка побледнела еще больше.

– Меня об этом попросил один очень хороший человек, – тихо произнесла она. – И я лишь выполнила его желание. Последнюю волю.

– А потом Марина попала под меч метаморфа-убийцы! – воскликнул Никита. – Это все из-за тех документов!

– Я знаю... Но я искупила свою оплошность! – поспешно

сказала Татьяна. – Я вылечила ее!

– Так, значит, это и правда была ты?! Но как ты это сделала?

Татьяна молчала, опустил глаза.

– Я не виню тебя ни в чем, – уже спокойнее сказал Никита. – Я просто хочу знать правду. Что на самом деле произошло с профессором Винником и Ольгой? Это ведь они отдали тебе ту папку. Я хорошо знал эту семью.

– Я в курсе.

– Они рассказывали тебе обо мне?

– Да... – Татьяна устало вздохнула. – Ты задаешь столько вопросов, Никита Легостаев!

– Но только так я могу узнать наконец правду! – воскликнул парень. – Сейчас происходит столько всего странного и необъяснимого. И мне кажется, ты сможешь пролить свет хоть на некоторые вещи!

– Что ж, я расскажу тебе, – немного подумав, кивнула Татьяна. – Но история эта длинная. И очень странная.

– А я никуда не тороплюсь. И странностями меня не удивишь, я уже вдоволь навидался всяких аномалий.

– Тогда пойдем в кухню, – пригласила Татьяна Никиту. – Я поставлю чайник.

Никита одернул на себе куртку.

– Больше не будешь драться? – поинтересовался он.

– Сдается мне, против тебя понадобится кое-что посуше – деревянной колотушки! – улыбнулась Татьяна.

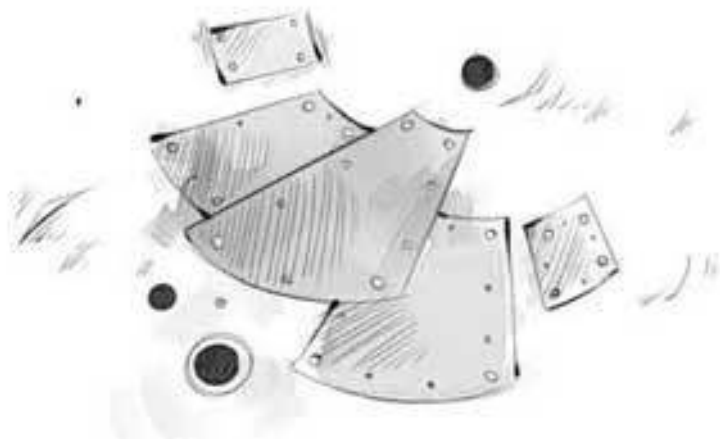
Они с Ксенией даже улыбались одинаково.

– Прости, что напугал тебя, – неуверенно произнес Легостаев.

– Напугал? – Татьяна усмехнулась. – Вот уж нет. Испугать меня не так просто, как ты думаешь. После всех этих сумасшедших событий, пожалуй, мне больше уже ничего не страшно!

Они вошли в просторную кухню. Татьяна включила свет, набрала в чайник воды и поставила его на плиту. Никита расположился за столом и приготовился слушать.

– Все началось полтора года назад, – начала Татьяна свой рассказ. – Незадолго до того, как я умерла...

Глава вторая

Полтора года назад

Солнце давно опустилось за кромку леса, и над территорией закрытого интерната «Хрустальный ручей» стустилась крошечная тьма.

В старинных корпусах сегодня было относительно тихо. Большинство воспитанников разъехались на выходные по домам, а оставшиеся уже спали и видели сны. Но кое-где окна еще светились. Например, на втором этаже главного здания, в большой спальне девочек самой младшей группы.

Юные воспитанницы интерната в ярких пижамах и ночных рубашках собрались в центре темной спальни. Сидя вокруг своей старшей подруги, они внимательно слушали ее захватывающий рассказ при свете фонарика.

Маленькие слушательницы расположились на мягких подушках и одеялах, сваленных прямо на пол. Девочки сидели очень тихо, обмирая от страха и уже предвкушая страшную развязку истории. Другой концовки у этого рассказа просто не могло быть, ведь его рассказывала сама Наташка Морозова — большая любительница ужасиков и готических романов. Рассказчицей она была замечательной, умела нагнетать обстановку. Иногда Наташка корчила страшные физиономии, меняла голос и рассказывала истории от лица разных

персонажей. Это было особенно страшно, но в то же время и притягательно.

Шел вечер пятницы. Преподаватели, живущие в основном в городке Клыково, расположенном неподалеку, разъехались по домам, и все оставшиеся в «Хрустальном ручье» воспитанники до понедельника были предоставлены заботам обслуживающего персонала.

Учебная неделя закончилась, впереди маячило два дня долгожданных выходных. Из взрослых в интернате остались только директриса, завхоз, медсестра и еще с десяток человек obsługi. Чем не повод для воспитанниц собраться всем вместе и проболтать полночи?

Обычно девочки постарше без особой охоты сидели с малолетками, предпочитая общаться с мальчишками, своими ровесниками. Но Наташка Морозова была исключением. Симпатичная, голубоглазая, с густой копной золотистых волос, Наташка знала великое множество всяких сказок и историй и любила их рассказывать. А младшим девочкам нравилось ее слушать. По пятницам они всегда запасались большой тарелкой бутербродов и огромным чайником сладкого чая, приготовленным поварихой Евдокией Семеновной, и вечер рассказов начинался.

Вот и сегодня, получив официальное разрешение директрисы Клавдии Ивановны лечь спать попозже, девчонки слушали очередную байку. Хотя на этот раз Наташка клялась, что все произошло на самом деле.

– Интернат «Хрустальный ручей» стоит на этом месте уже почти восемьдесят лет, – таинственно вещала она. – За это время здесь был и лагерь, и лечебница для тяжелобольных детей, и санаторий. А история, которую я хочу вам рассказать, случилась здесь сорок лет назад.

Она встала с кровати, разгладила свою длинную свободную ночную рубашку и подошла к огромному окну. На улице к тому времени стало совсем темно – сторож выключил наружное освещение. Если бы не узкий серп луны, висящий над гладью лесного озера, расположенного неподалеку, они бы вообще ничего не увидели.

Наташка показала на высокое здание, стоящее на отшибе у самого леса.

– Сейчас тот корпус заброшен, но раньше там тоже жили воспитанники, – сказала она. – На последнем этаже располагалась спальня для девочек. Там-то она и жила.

– Кто? – холодея, спросила одна из маленьких слушательниц.

Наташка повернулась к ним и сделала злое лицо:

– Клодия!

Девочки дружно ахнули и всплеснули руками.

– Она училась в выпускном классе и всегда была какой-то странной, нелюдистой и неразговорчивой девчонкой, – продолжила рассказ Наташка. – Любила сидеть в одиночестве и иногда бубнила что-то себе под нос. А когда мимо проходили люди, она сразу замолкала. Поговаривали, что мать ее

была ведьмой и отправила дочь в интернат, чтобы та не мешала ей исполнять магические ритуалы!

Девочки ахнули еще громче. Некоторые уже дрожали от испуга, но тем не менее жаждали услышать продолжение истории.

– Но никто из воспитанников интерната не знал, что Клодия была такая же, как ее мамаша...

– Ведьма?! – пискнула другая девочка.

– И еще какая! – со знанием дела подтвердила Наташка. – Однажды учительница накричала на нее во время урока географии и выставила из класса. А утром ту преподавательницу нашли в ее комнате. Без сознания и всю в жирных вонючих бородавках! Это Клодия навела на нее порчу!

– Фу!!! – с отвращением скривились девочки. – А что было дальше?

Наташка вернулась к своей кровати и забралась на нее с ногами.

– Однажды Клодия влюбилась в одного мальчика из параллельного класса. Он был очень красивый и крутой! Она всячески старалась привлечь его внимание, начала нарядно одеваться, делать себе модную прическу. Но он даже не подозревал о ее существовании, а потом и вовсе начал дружить с другой девушкой. И тогда Клодия, так как она была очень злой, решила избавиться от соперницы!

Девочки притихли. Одна из них, самая маленькая, тихонько прошептала:

– Ой, мамочки...

Наташка выдержала длинную паузу, очень довольная произведенным эффектом, а затем продолжила повествование:

– Дело происходило летом, таким же, как сейчас. Физику тогда проводили на берегу озера, тут неподалеку. И учитель захотел устроить соревнования по плаванию. Специально для этого дождались ясного, солнечного дня, натянули вдоль берега буйки и канаты. Клодия должна была плыть вместе с той, другой девочкой. И она задумала утопить ее!

Девочки вздрогнули. Кое-кто накрылся с головой одеялом, другие просто зажмурились. Одна даже заткнула уши руками.

– Они поплыли, – зловеще продолжила Наташка. – И вот Клодия, выбрав подходящий момент, схватила ее за волосы и потащила за собой подальше от берега, на самую глубину. Все испугались, забегали, закричали! Мальчик, которого она любила, бросился в воду и поплыл к ним. Клодия думала, что он спешит к ней, но она ошибалась. Он схватил свою любимую, которая уже почти захлебнулась, и поплыл с ней к берегу. А Клодия осталась на середине озера. Она очень устала и начала тонуть. И когда силы ее уже были на исходе, она поклялась, что вернется с того света и отомстит за то, что он спас не ее!

– А потом?

– А потом она камнем пошла на дно!

У юных слушательниц волосы встали дыбом от ужаса.

– И она утонула? – тихо спросила самая маленькая.

– Естественно! – кивнула Наташка. – Еще бы ей не утонуть! Глубина-то у местного озера о-го-го! Если уж яхты тонут, что говорить о маленькой девочке?

Действительно, озеро было очень широким и глубоким. Иногда, в непогоду, в нем тонули лодки местных рыбаков. Пару раз на дно уходили даже яхты средних размеров.

– А что было дальше?

– Началось следствие. Многих допрашивали, некоторых детей даже отправили по домам. Кстати, того мальчика тоже забрали его родители. А месяц спустя, в ночь первого полнолуния, Клодия вернулась!

Тут уже все девчонки залезли с головой под одеяла.

– Она пришла, чтобы разыскать своего любимого и отомстить ему, – безжалостно продолжала рассказчица. – Но она не нашла его в интернате. И с тех самых пор каждый год, в день, когда она утонула, Клодия возвращается в «Хрустальный ручей», чтобы найти любимого!

Слушательницы испуганно пискнули.

– Каждый год! – зловеще повторила Наташка.

– А х-а х-а х!

– И сегодня как раз тот день!

– Ой, мамочки!

– Та самая ночь!

Наташка вдруг взглянула в сторону окна.

– Так вот ведь она, – страшным голосом прорычала она, –

Клодия!

Девчонки невольно высунулись из-под одеял и посмотрели в окно.

В следующее мгновение сонную тишину второго этажа буквально взорвал многоголосый истошный визг. За окном на широком подоконнике стояла страшная фигура, закутанная в белые простыни. Она раскачивалась в воздухе, делала пассы руками и корчила страшные рожи.

И тут Наташка не выдержала и расхохоталась. Да так, что свалилась с кровати на пол. Привидение за окном тоже захохотало, согнувшись и схватившись руками за живот. Затем оно подобрало свои юбки и сбавало на подоконнике заливчатскую чечетку.

Девочки смотрели, окаменев от ужаса. Привидение подскочило еще пару раз. Затем хлипкий металлический карниз, на котором оно прыгало, оторвался, и призрак с громким воем и жутким грохотом свалился вниз, прямо в кусты черемухи, буйно разросшейся на заднем дворе.

В спальне воцарилась мертвая тишина.

Наташка подскочила к окну, распахнула его и по пояс высунулась наружу.

– Танюха! – крикнула она. – Ты как, в порядке?!

Из кустов выбралась основательно потрепанная фигура в белых простынях.

– Напомни мне, чтобы в следующий раз, когда буду изображать привидение, я надела парашют! – буркнула она.

Наташка не сдержалась и захохотала снова. Привидение тут же к ней присоединилось. Некоторые девочки в спальне, которые уже отошли от шока, тоже начали нервно хихикать.

В этот момент отворилась дверь кухни, выходящая на задний двор, и на пороге показалась повариха Евдокия Семеновна, крупная, добродушная женщина средних лет. Она несла в руках два ведра, заполненных обедками. В конце дня она всегда относила остатки еды за сарай и кормила Найду и других местных сторожевых собак.

Именно в этот момент из кустов с треском выбралась Татьяна в простынях. При виде нее Евдокия Семеновна застыла на месте как вкопанная, а затем заорала благим матом и резко развернулась, чтобы убежать, но запнулась об ограду газона и рухнула во весь рост на клумбу с цветами.

Помои брызнули во все стороны.

– Евдокия Семеновна! – сквозь хохот выдавила Татьяна. – Это же я!

– Танька! – истерично завопила повариха. – Чтоб тебя перекосило, хулиганка окаянная!

Она неуклюже вскочила на ноги, оторвала от растущего рядом куста ветку и кинулась к Татьяне. Девочка тут же подхватила свои простыни и задала стрекача. Здания интерната были выстроены буквой «П». Учебные корпуса, администрация, столовая и спортзал располагались по периметру на берегу лесного озера. Между строениями находилась большая площадь, вымощенная булыжником, где проводились

различные линейки и праздничные мероприятия. В центре площади с незапамятных времен красовался большой действующий фонтан со скульптурами из черного мрамора. А в самом дальнем углу периметра стоял огромный лодочный ангар местного яхт-клуба. К ангару примыкала высокая деревянная башня маяка, которую можно было увидеть из любой точки на территории «Хрустального ручья».

Татьяна бегом припустила по площади. Евдокия Семеновна, громко топая ногами, неслась за ней, не отставая ни на шаг.

Они начали носиться вокруг журчащего фонтана и бежали до тех пор, пока Евдокия Семеновна окончательно не выдохлась. Татьяна даже не устала. Ведь она уже несколько лет занималась при интернате в секциях по плаванию и восточным единоборствам.

Несколько минут спустя повариха остановилась, тяжело дыша, и отбросила ветку в сторону. Татьяна переминалась на безопасном расстоянии, вытирая взмокший лоб углом простыни.

– Ты ж меня чуть до кондрашки не довела! – выдохнула повариха.

– Извините, я не специально! Больше не буду! – взволнованно воскликнула девочка.

Повариха вдруг приснула, а потом захохотала во весь голос. Потрясенная Татьяна смотрела на нее во все глаза.

– Ничего себе, – хохотала Евдокия Семеновна, – встряска

в конце рабочего дня! Ха-ха-ха!

Махнув рукой, она пошла подбирать свои ведра. Татьяна с облегчением стянула с себя опостылевшие простыни. Тут, увидев, что опасность миновала, Наташка выбежала из корпуса и подлетела к подруге.

– Все там живы-здоровы? – спросила Татьяна.

– Все малявки целы, – с улыбкой произнесла Наташка. – Никто не перенервничал. Ну ты просто спец по привидениям! Я сама поначалу едва со страху не оконфузилась!

Татьяна снова рассмеялась.

– Вспомни, как нас раньше старшеклассницы пугали! – воскликнула она. – Вот там страх был! А это, – она показала на простыни, – так, баловство!

– Я очень рада, что вы и сами это признаете, – раздался вдруг позади холодный голос.

Девочки испуганно обернулись и увидели директрису интерната Клавдию Ивановну, идущую к ним через площадь твердым шагом. Она была тощая, прямая, словно натянутая струна, в одном из своих обычных строгих серых костюмов. Губы на худом лошадином лице были плотно сжаты, прямоугольные стекла очков хищно поблескивали в свете луны.

– Плохой признак, – шепнула Татьяне Наташка и оказалась права.

– Вы считаете, что это очень смешно, – пугать до потери сознания младших воспитанниц интерната? – сухо осведомилась Клавдия Ивановна.

– Это же просто шутка, – сказала Татьяна.

– Хороши шуточки! – фыркнула женщина.

– И потом, пугать первоклашек призраком Клодии уже стало многолетней традицией «Хрустального ручья», – добавила Наташка. – Нас тоже когда-то пугали старшие девочки.

– Пора прервать эту идиотскую традицию! – отрезала директриса. – Здесь никто никогда не тонул! Нет никаких проклятий и привидений! В «Хрустальном ручье» раньше располагался пансионат, затем санаторий для тяжелобольных детей. И всего несколько лет назад тут открылось закрытое учебное заведение. Здесь обучаются лучшие из лучших, отпрыски богатых и влиятельных семей. Что скажут ваши родители, если узнают о ваших проделках?!

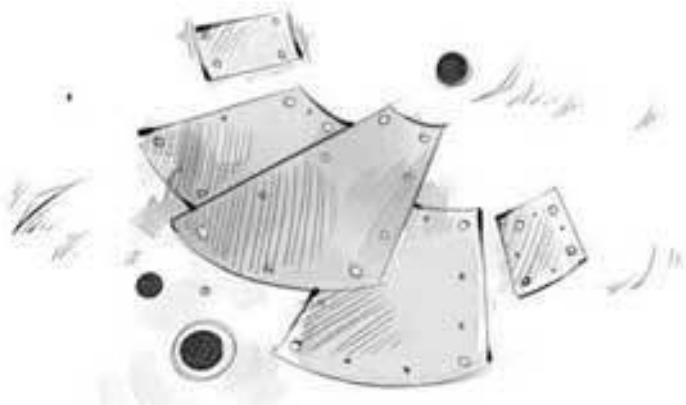
– Мы же просто пошутили! – неуверенно повторила Татьяна.

– И я преподам вам урок, чтобы отбить охоту у других шутников! – сказала Клавдия Ивановна. – Субботу и воскресенье вы проведете в столовой. Будете помогать Евдокии Семеновне накрывать столы, мыть посуду и наводить чистоту в кухне!

– Что?! – ужаснулась Наташка.

– Да мальчишки со смеху помрут! – воскликнула Татьяна.

– Отлично! – недобро улыбнулась директриса. – Значит, моя шутка более удачная, нежели ваша!

Глава третья

Допрыгались, кумушки!

Следующим утром Татьяна и Наташка отправились в столовую отбывать наказание. Девчонки толком не выспались, и обе зевали почти не переставая.

Обычно по выходным в это время они еще спали, а в будни занимались совершенно другими делами. Уроки в интернате начинались в десять часов. А до того Наталья посещала кружок кройки и шитья, а Татьяна занималась в спортзале боевыми искусствами в группе других девчонок и парней своего класса. Им преподавали дзюдо, самбо, просто отдельные приемы самообороны. Татьяна не знала, пригодится ли ей это в будущем, но все равно исправно посещала тренировки. Ей нравилось поддерживать себя в хорошей физической форме.

А сейчас им предстояло мыть посуду и отскребать столы.

Увидев их, Евдокия Семеновна всплеснула руками.

– Допрыгались, кумушки! – добродушно рассмеялась женщина. – А я ведь вас предупреждала!

– Да просто Клавдия злобствует! – отмахнулась Татьяна.

– Нечего было попадаться ей на глаза. Ладно уж, не буду вас сильно напрягать. Протрите столы перед завтраком, а потом поможете мне разобраться с грязной посудой.

Подруги принялись за работу, радуясь, что еще легко отделались. Строгая Клавдия Ивановна действительно могла пожаловаться родителям. Тогда мало не показалось бы обeim. Но особенно Татьяне. Ее отец, известный ученый Александр Борисович Федоров, был бы очень недоволен. Он всегда был строг с дочерью, часто ругал, иногда даже замахивался на нее кулаками. Девочка побаивалась своего отца.

Матери Татьяна совершенно не помнила. Отец говорил, что она умерла при родах. Наверное, она была куда добрее его. По крайней мере, Татьяне хотелось на это надеяться. Мать не сдала бы ее в интернат, как поступил отец. Он объяснял это тем, что по роду своей научной работы постоянно находится в разъездах, и Татьяну не на кого оставить. Как будто она сама не могла о себе позаботиться!

Вообще в интернате ей нравилось. Здесь было много воспитанников самых разных возрастов, все из хорошо обеспеченных семей. Из тех, где водятся деньги, но родителям совершенно некогда заниматься детьми и проще отдать их на обучение в престижное закрытое учреждение, чем каждый день следить за поведением и проверять уроки.

«Хрустальный ручей» занимал большую территорию на берегу озера. Это был целый комплекс невысоких старинных зданий, обнесенный высоким деревянным забором. В интернате имелся свой стадион и большая теплица, также тут был небольшой пляж на берегу озера и настоящий причал для яхт и катеров. Преподаватели к воспитанникам относились

хорошо, особо никто не придирался. С рабочим персоналом учащиеся тоже дружили, особенно с Евдокией Семеновной. Добрая и веселая повариха постоянно готовила что-нибудь вкусненькое и в любое время была готова угостить детей пирожками.

Местная медсестра Анастасия Павловна тоже была приятной женщиной. С ней Татьяне приходилось видаться очень часто, та делала ей уколы инсулина. Татьяна с детства страдала диабетом и не могла обходиться без этих инъекций. В интернате только директриса Клавдия Ивановна наводила настоящий ужас на воспитанников. Жесткая, холодная, даже какая-то зловещая женщина.

За последний год Татьяна побывала дома, в деревне Ягужино, всего один раз – на Новый год, тогда как других детей часто забирали на выходные и на все праздники. У девочки даже создалось впечатление, что отцу просто плевать на нее. Александр Борисович постоянно занимался своей научной деятельностью, проводил какие-то опыты, делал расчеты. А дочерью совсем не интересовался.

Но Татьяна не унывала. Наташку, ее лучшую подругу, тоже редко забирали домой. Ее отец, Николай Морозов, был влиятельным бизнесменом, владельцем крупной косметической компании «Амариллис», полностью поглощенным своей работой. Ее мать тоже скончалась много лет назад, а новую жену отца, красавицу Ирму, бывшую фотомоделю, Наташка практически не знала. За все время их брака они не

перекинулись и парой слов, так как девочка жила в «Хрустальном ручье» с самого первого класса.

Татьяна и Наташка проводили много времени вдвоем, и в интернате им было куда лучше, нежели дома. Они не могли дождаться окончания учебы и получения аттестата зрелости. Тогда бы они уехали вместе и начали совершенно новую жизнь в Санкт-Эринбурге. Наташка умела шить и делать выкройки, а еще мечтала стать моделью и работать в компании отца. А Татьяна увлекалась спортом и при этом неплохо рисовала и любила создавать эскизы разнообразных нарядов. Она хотела стать модельером, так что с Наташкой им было по пути. Но до этого еще ох как далеко!

Пока же они протирали влажными тряпками гладкие поверхности столов, утешая себя тем, что Евдокия Семеновна угостит их сегодня чем-нибудь вкусненьким. До завтрака оставалось всего полчаса.

– Ха! – услышали они вдруг за спиной. – Наконец-то нашли себе подходящее занятие!

Девочки обернулись. В дверях столовой стоял Денис Воробьев, местный задира, обладатель внушительной фигуры и недюжинной силы. С ним старались не связываться, поскольку он всегда выходил победителем из всех драк. Татьяна знала об этом не понаслышке – ведь он занимался с ней в одной секции.

– Чего тебе нужно, Воробьев? – хмуро спросила она.

– Просто хотел посмотреть на двух новоявленных куха-

рок! – расхохотался Денис.

– Вали отсюда, пока при памяти! – замахнулась на него тряпкой Наташка.

– Ой как страшно! – осклабился Воробьев. – А что ты делаешь? Саму одним щелчком можно перешибить, а подружка твоя никогда первая не полезет в драку!

Татьяна нахмурилась. Воробьев был прав, несмотря на то что она терпеть его не могла. Она хоть и занималась единоборствами, но никогда не смогла бы ударить человека вне ринга. Драться по правилам, ради победы в соревнованиях – это одно, а избивать кого-то на самом деле – совсем другое. У нее рука не поднялась бы даже на такого отморозка, как Воробьев.

Денис насмеялся бы и дальше, но в этот момент в столовой появилась Клавдия Ивановна.

– Воробьев! – окликнула она мальчишку. – Пойдем со мной, тут кое-кто хочет с тобой встретиться!

– Господин Авдеев? – оживился Денис. – Наконец-то! Я уже устал ждать!

– Он, – надменно улыбнулась директриса. – И у него большие планы на твой счет.

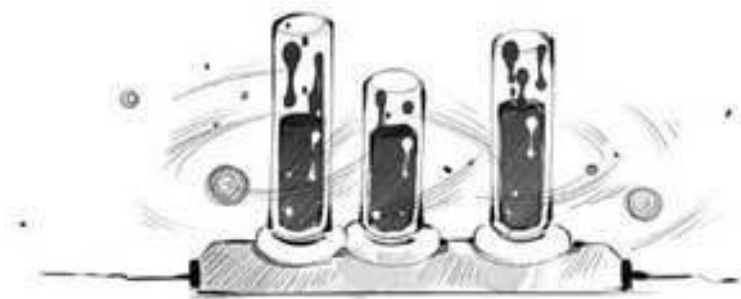
Воробьев ушел вместе с Клавдией Ивановной, а Татьяна и Наташка недоуменно переглянулись.

– Кто такой Авдеев? – спросила Наташка. – И какой у него интерес к этому громиле?

– Понятия не имею, – пожала плечами Татьяна. – Давай

лучше скорее все протрем. Может, еще получится отпроситься у Евдокии Семеновны и потихоньку сбегать на озеро. Пока Клавдия занята со своим посетителем.

– Это я всегда готова! – обрадовалась Наташка и принялась энергично натирать и без того блестящую столешницу.

Глава четвертая

Сладкий Яд и смертельный холод

Поздним вечером служебный автомобиль компании «Амариллис», роскошный черный «бентли», быстро мчался по улицам Санкт-Эринбурга, направляясь к главному офису фирмы Морозовых. Глава компании Николай Егорович Морозов и его супруга Ирма сидели на заднем сиденье, обитом мягкой кожей. Их личный водитель Сергей уверенно вел машину по автостраде, проворно лавируя между другими автомобилями.

Николай Егорович, положив на колени небольшой ноутбук, просматривал последние финансовые отчеты. Это был мужчина лет пятидесяти с фигурой борца-тяжеловеса – ему больше подошло бы управлять каким-нибудь спортзалом, а не гигантской косметической корпорацией. Ирма Морозова, в прошлом известная фотомоделль, была полной противоположностью своему мужу. Высокая, стройная, зеленоглазая, она со скучающим видом смотрела в окно на проносящиеся мимо машины и думала о чем-то своем, изредка откидывая за спину пряди длинных платиновых волос.

С наступлением темноты улицы мегаполиса засверкали неоновыми огнями самых разных расцветок. Высоко над дорогой переливались рекламные вывески, лазерные инстал-

ляции быстро сменяли одна другую на темных стенах небоскребов и гигантских статуях, возвышающихся на площадях Санкт-Эринбурга. Большие видеоэкраны, установленные прямо на улицах, демонстрировали новости местных телеканалов. Картинки сопровождались «бегущей строкой» титров, ибо услышать что-либо за шумом города было просто невозможно.

Ирма Морозова глянула на ближайший экран. Президент крупнейшей корпорации региона «Экстрополис» Эдурд Кривоносов рассказывал молодому журналисту о последних научных достижениях своего предприятия.

Женщина с трудом подавила зевок.

– Из-за этого расширения фирмы у меня ни минуты покоя! – пожаловался вдруг Николай Егорович. – Не стоило нам начинать выпуск своей линии одежды. Занимались бы и дальше только косметикой!

– Не переживай, дорогой, – улыбнулась Ирма. – В конце концов все принесет хорошую прибыль. Я уже подумываю о выпуске глянцевого журнала «Амариллис». Будем рекламировать собственную косметику, одежду, обувь. Мы еще сделаем себе имя в мире высокой моды!

– Но тогда придется набирать свой штат манекенщиц, – возразил Николай.

– Я сама займусь этим, не переживай. Мне эта деятельность знакома.

– Ты была очень красива в молодости, – согласился Мо-

розов.

– Была?! – оскорбилась Ирма. – В молодости?

Муж мягко потрепал ее по руке.

– Ты и сейчас очень красива, Ирма, – мягко произнес он. – Но, согласишься, годы берут свое. Ты не можешь состязаться с двадцатилетними девчонками-моделями.

Ирма отдернула руку и обиженно отвернулась к окну.

– Мог бы этого и не говорить, – процедила она сквозь зубы.

Николай Егорович усмехнулся:

– Не обижайся. Из-за всех этих забот я иногда перестаю следить за языком.

– И ты совсем не обращаешь на меня внимания! Я так редко вижу тебя в последнее время! – возмущенно воскликнула Ирма. – Если бы не презентация, ты сейчас торчал бы в своем офисе, а я сидела дома в одиночестве!

– Скоро все изменится, вот увидишь, дорогая! Я сам порядком устал за прошедший год. Может, нам взять небольшой отпуск и отправиться куда-нибудь на Мальдивы?

Ирма сразу оживилась.

– Я с радостью, – ответила она. – И кстати, может, уже пора забрать твою дочь из интерната? Сколько еще бедной девочке томиться в этой глуши, в таком удалении от дома?

Морозов нахмурился.

– Это ей только на пользу, – сказал он. – В «Хрустальном ручье» она может полностью посвятить себя учебе и не от-

влекаться на всякие вечеринки и гулянки. К тому же там она находится под постоянным присмотром преподавателей.

– В этом возрасте вполне нормально хотеть развлекаться! Я вспоминаю себя в ее годы. – Ирма мечтательно улыбнулась. – Эх, были времена! Как жаль, что ничего нельзя вернуть...

Водитель Сергей сбавил скорость автомобиля.

Машина выехала на просторную круглую площадь, над которой возвышалась десятиэтажная башня штаб-квартиры компании «Амариллис». На площади располагалось множество бутиков и небольших магазинчиков одежды. Они все еще работали и принимали покупателей, несмотря на довольно позднее время. Площадь ярко освещали переливающиеся витрины и многочисленные уличные фонари.

Машина подъехала к главному входу в «Амариллис». Первые два этажа башни занимала просторная стоянка, сквозь матовые стеклянные стены виднелись стоящие ровными рядами автомобили сотрудников компании. Поскольку сегодня проводилась презентация новой косметической линии, в «Амариллисе» было еще больше народу, чем обычно.

Николай Егорович, которому предстояло выступить перед гостями с речью, начал мысленно проговаривать заученные слова. Ирма достала из сумочки изящную золотую косметичку и быстро привычными движениями поправила макияж.

– Мы высадим тебя у главного входа, – сказал ей Николай

Егорович. – Зачем тебе эта вонючая парковка?

– Хорошо, – кивнула женщина.

Сергей остановил машину перед большими стеклянными дверьми. Ирма убрала косметичку и открыла дверь.

– Ты действительно хочешь, чтобы я забрал Наташку домой? – вдруг спросил Николай Егорович.

– Конечно! – сказала Ирма. – Она ведь уже взрослая девушка. Мне доставит большое удовольствие общаться с ней. Я научу ее многим женским хитростям!

– Этого я и опасаюсь! – с улыбкой произнес Морозов.

– Противный!

Ирма легонько ткнула его в бок, потом чмокнула на прощанье и выбралась из машины.

– Увидимся в конференц-зале, дорогая! – сказал Николай Егорович.

Ирма помахала рукой и вошла в здание. Машина направилась к стоянке.

В гараже стоял легкий полумрак. Тусклые желтые светильники не давали должного освещения. Двери лифта только-только закрылись за очередным гостем, кабина двинулась вверх.

Поставив машину на президентское место, Сергей повернулся к Морозову.

– Мне пойти с вами или подождать здесь, Николай Егорович? – спросил он.

– Подожди меня в машине, – попросил Морозов. – Я долго

не задержусь. Это Ирма любит шумные вечеринки, а я хочу пораньше лечь спать. Завтра у меня тяжелый день.

Морозов захлопнул ноутбук, положил его на сиденье и вышел из машины. Одернув на себе смокинг, он зашагал в сторону лифта.

Второй ярус гаража «Амариллиса» представлял собой огромное помещение, в котором могло разместиться до двухсот автомобилей. Чтобы добраться до лифта, Морозову предстояло пройти по проходу длиной около двадцати метров.

Где-то на полпути Николай Егорович вдруг заметил небольшую машину ярко-вишневого цвета – такие обычно предпочитали обеспеченные женщины. Крышка капота была открыта, а сама владелица автомобиля копалась в моторе.

Как настоящий джентльмен, Николай Егорович не мог пройти мимо дамы, попавшей в беду.

– Вам помочь? – поинтересовался он, приближаясь. – Проблемы с машиной?

Незадачливая автолюбительница выпрямилась и взглянула на него сквозь огромные стекла круглых розовых очков. Выглядела она очень необычно, Морозов даже слегка опешил.

В первую очередь в глаза бросались ее волосы ядовито-желтого цвета, собранные в два легкомысленных хвостика на макушке. На круглом бледном лице сильно выделялись ярко-красные губы, изогнутые в кривой усмешке. Девушка ку-

талась в короткий светло-зеленый плащик, едва прикрывающий «пятую точку». На стройных ногах красовались черные чулки и высокие кожаные ботинки на шнуровке.

– Нет таких проблем, с которыми я не справилась бы! – улыбнулась незнакомка.

Она сдвинула очки на кончик носа. Николай Егорович увидел ее глаза – белые, прозрачные, нечеловеческие, с узкими точками зрачков – и сдавленно охнул. Девушка улыбнулась еще шире.

– Кто ты такая?! – испуганно воскликнул Морозов.

– В узких кругах я известна как Сладкий Яд. А настоящее мое имя тебе знать не обязательно! – подбоченилась она.

Николай Егорович тут же понял, что от нее не стоит ждать ничего хорошего. Ему вдруг вспомнились слухи о странных существах, скрывающихся под личиной обычных людей, которые иногда печатались в бульварных газетках. Морозов никогда не верил в существование подобных созданий, но сейчас, похоже, одно из них стояло прямо перед ним. И оно было очень даже реальным.

Николай Егорович быстро попятился.

– Куда же ты, дорогуша?! – весело воскликнула Сладкий Яд. – А как же обещанная помощь?! Ведь ты не оставишь беззащитную девушку в беде?!

Николай Егорович развернулся и бросился бежать.

Сладкий Яд расхохоталась и резко взмыла в воздух. Вскоčila на потолок гаража и быстро понеслась вслед за Морозо-

вым, ловко цепляясь руками и ногами за переплетение электрических кабелей и воздухопроводных труб. Обычному человеку такое было не под силу, но эта девушка явно не относилась к обычным людям.

Обогнав Морозова, она спрыгнула с потолка прямо перед ним, преградив путь к лифту.

– Разве вежливо поворачиваться спиной к даме? – ехидно поинтересовалась Сладкий Яд.

– Что тебе от меня нужно?! – в ужасе закричал Николай Егорович.

– Ничего личного, сладенький! Просто ты кое-кому перешел дорогу!

Сладкий Яд резко выбросила вперед левую руку и схватила Морозова за воротник смокинга. Бизнесмен испуганно вскрикнул.

В следующее мгновение за его спиной раздался громкий топот.

– Николай Егорович? – крикнул подоспевший водитель Сергей. – У вас проблемы?

– Убери ее от меня! – крикнул Морозов.

Сладкий Яд улыбалась, словно наслаждалась происходящим.

– Двое мужчин на одну слабую девушку! Разве это честно? – воскликнула она.

Сергей схватил ее за ворот плаща и резко оттащил от Морозова.

– Видишь ли, любезный... – проговорила девушка.

Она приподняла полу своего плащика, и на ее правом бедре Морозов увидел широкую кожаную полосу с кармашками, в которые было вставлено множество длинных игл, похожих на те, что врачи используют при иглотерапии. Сладкий Яд резко выхватила одну из игл, быстро зажала ее зубами и, смочив слюной, вытянула из рта.

– ...Я ведь не зря ношу такое имя!

И она всадила иглу в живот Сергея.

Водитель коротко вскрикнул, разжал руки и грузно повалился на бетонный пол гаража. Морозов в ужасе на него уставился. Сергей не шевелился.

– Что ты с ним сделала?! – крикнул он.

– Ну, дорогуша... – Сладкий Яд вытащила из кармашка еще одну иглу и демонстративно провела по ней языком. – Мужчины всегда падали штабелями у моих ног. Ведь я красавица, умница, а еще, помимо всего прочего, крайне ядовита!

И она метнула иглу в лицо Морозову.

Николай Егорович резко пригнулся, и игла пролетела мимо, вонзившись в колонну. Бизнесмен развернулся и бросился к своей машине. Сладкий Яд громко чертыхнулась и побежала за ним, вытаскивая на ходу еще одну метательную иглу.

Морозов давно уже так быстро не бегал. В считанные секунды он добрался до машины и плюхнулся на водительское

сиденье. Ему повезло – Сергей оставил в замке ключи зажигания. Николай Егорович завел двигатель, и машина резко сорвалась с места. Он понесся прямо на Сладкий Яд.

Когда Морозов, холодея от ужаса, почти налетел на злодейку, она резко подпрыгнула вверх и повисла, вцепившись руками в потолок. Он направил машину к выезду из гаража, желая как можно скорее убраться отсюда. Неожиданное нападение повергло его в шок. Кто ее нанял?! У Морозова было много врагов, он многим перешел дорогу, когда его компания стала процветающим предприятием. А теперь, накануне глобального расширения бизнеса, кто-то решил от него избавиться!

Морозов нервно расхохотался. Ну нет! Он так легко не сдастся!

Впереди уже виднелся выезд из гаража. Николай Егорович вдавил педаль газа в пол, еще больше увеличив скорость автомобиля. В этот момент перед машиной выросла еще одна фигура.

Николай Егорович прищурился. Это была не Сладкий Яд. Кто-то гораздо более высокий.

Морозов и не подумал снизить скорость. Пусть не встают у него на пути!

Человек резко вскинул руку. Машину и сидящего в ней Николая Егоровича обдало волной ужасающего холода.

Морозов хотел закричать, но вдруг понял, что не может этого сделать. Его легкие словно сковало льдом. Салон ма-

шины на глазах покрывался толстым слоем инея, руль мгновенно обледенел, как и сжимающие его руки Николая Егоровича.

Уже теряя сознание, он ударил по тормозам, но обледеневшие колеса неслись дальше, лишившись всякого сцепления с полом. «Бентли» начало разворачивать поперек дороги, а затем с силой швырнуло на стеклянную стену гаража.

Высокий человек даже не шевельнулся, когда машина, быстро превращающаяся в огромный кусок льда, на дикой скорости пронеслась мимо него и, с грохотом проломив толстое матовое стекло, вылетела наружу.

Сладкий Яд спрыгнула с потолка и подбежала к проломленной стене.

– У-у-у! – поджав губы, скривилась она. – Какая грязная работа! Зачем ты вмешался, Холод? Я бы и сама прекрасно справилась! А теперь понаедут легавые, так что лучше нам поскорее убраться.

Ее даже не удостоили ответом.

* * *

На площади перед зданием компании «Амариллис» продолжали собираться приглашенные на презентацию люди. Дамы в вечерних платьях и мужчины в строгих костюмах выходили из подъезжавших дорогих автомобилей и устремлялись к парадному входу в штаб-квартиру компании. Щелка-

ли вспышки фотокамер. Администраторы встречали гостей и провожали их внутрь здания.

В ближайших магазинах бойко шла торговля. Кое-где на площади небольшими группками сидела молодежь. Играла музыка, уличные танцоры отплясывали под светом фонарей. Жизнь в центре города не замирала даже с наступлением темноты.

И вдруг жуткий грохот, донесшийся со стороны «Амариллиса», привлек всеобщее внимание. Все так и замерли, увидев, как гигантская глыба льда проломила стеклянную стену второго этажа серебристой башни.

Неспешно, словно в замедленной съемке, глыба летела вниз в целой россыпи осколков черного стекла и густых клубов белого пара.

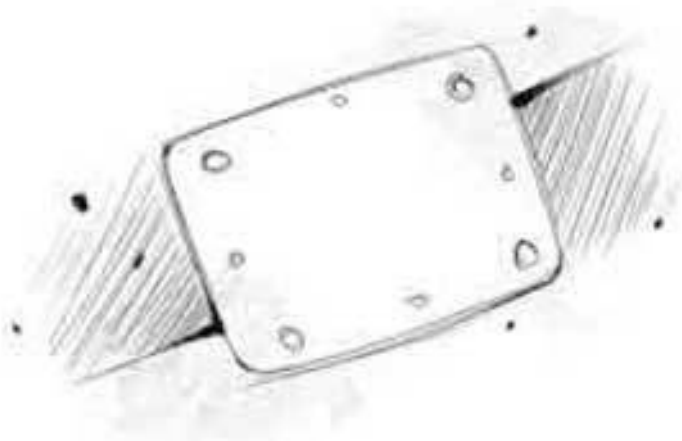
Когда глыба рухнула и разлетелась на множество ледяных обломков, казалось, вся площадь содрогнулась от страшного удара.

Чудо, что на месте падения не оказалось людей. Обошлось без жертв. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем потрясенные горожане начали медленно приближаться к осколкам странного айсберга. Кое-кто уже вытаскивал сотовые телефоны, чтобы заснять происходящее.

И в это мгновение кто-то испуганно закричал. Тут же к воплю присоединилось еще несколько голосов. Это присутствующие разглядели, что глыба льда на самом деле – автомобиль, настолько обледеневший, что от удара железо раз-

летелось вдребезги, словно стекло.

А еще кто-то увидел на засыпанном осколками асфальте почти прозрачную отколотую человеческую руку, крепко сжимавшую обломок заиндевевшего рулевого колеса.

Глава пятая

Явление Магдалены

О гибели Наташкиного отца Татьяна узнала на следующий день из утренних новостей. Накануне вечером Евдокия Семеновна позволила им с Наташкой в воскресенье прийти на кухню попозже.

– Без вас справлюсь, отсыпайтесь уж, – отмахнулась она от девчонок, предложивших ей свою помощь.

Поэтому, когда Татьяна спустилась утром в общую гостиную интерната, до завтрака оставалось еще почти полчаса.

Окна гостиной выходили на озеро. По сверкающей водной глади медленно курсировали белоснежные яхты. Над водой летали чайки.

Чтобы скоротать время, Татьяна включила телевизор. На экране показывали что-то очень странное. Шел выпуск новостей, то и дело мелькали какие-то глыбы льда, сверкающие в свете уличных фонарей и мигалок патрульных машин, бежали люди с перепуганными лицами.

– Очевидцы утверждают, что это, несомненно, убийство! – говорил репортер. – Но каким способом убийца расправился со своей жертвой? Вот главная загадка! Напомним: вчера ночью прямо в штаб-квартире своей компании был убит известный бизнесмен Николай Егорович Морозов...

Татьяна с пультом в руках замерла перед телеэкраном.
Отец Наташки умер?! Убит?!

– На место происхождения прибыла помощник главного прокурора города Эмилия Гордуновская! – провозгласил репортер, бросаясь сквозь толпу с микрофоном наготове. – Что она сообщит нам о случившемся?

На экране появилась очень сердитая женщина средних лет. Она то и дело нервно поправляла рукой короткие темные волосы и щурила глаза, закрываясь от яркого света прожекторов.

– Эмилия Владимировна! – воскликнул репортер. – У вас уже есть подозреваемые?

– Подите вы к дьяволу! – рявкнула внезапно Гордуновская. – И без вас тошно!

Репортер испуганно отскочил и едва не упал, споткнувшись обо что-то. Выпуск новостей тут же сменился блоком рекламы.

Татьяна выключила телевизор.

Отец Наташи убит! В голове не укладывалось. Татьяна быстро оглянулась. Но в гостиной Наташки не было. Татьяна вспомнила, что сегодня еще даже не видела ее. Она развернулась и побежала в спальню, но и там Наташки не было. Подруга как в воду канула.

Зато в спальне Татьяну остановила медсестра Анастасия Павловна, очень добрая и еще совсем не старая. По выходным она ходила не в белом халате, а в обычной одежде. Сего-

дня на ней были джинсы, кроссовки и мягкий свитер с высоким горлом. А еще – несколько неожиданно – в ушах поблескивали массивные серьги, шею обвивало красивое ожерелье, а безымянный палец украшало крупное кольцо из черного камня. Девочке это показалось странным – Анастасия Павловна нечасто щеголяла в таких эффектных украшениях.

Заметив ее интерес к кольцу, медсестра почему-то прикрыла его рукой.

– Доброе утро, Таня, – сдержанно поздоровалась она. – Ты уже слышала об отце Наташи Морозовой?

– Да, только что! – кивнула Татьяна. – Ужас какой-то...

– А где сама Наташа?

– Я с утра ее не видела.

– Я сильно беспокоюсь о ней, – призналась медсестра. – Потерять отца – страшное горе. Если вдруг ее увидишь, попроси зайти в мой кабинет. В такой момент ей просто нельзя оставаться одной. Мы окажем ей поддержку.

– Конечно! – согласилась Татьяна.

– Ну а сама ты как? – участливо спросила Анастасия Павловна. – Голова не болит? Слабости, тошноты не ощущаешь?

– Нет, все хорошо.

– Если твой диабет даст о себе знать, ты знаешь, где меня найти, – сказала Анастасия Павловна.

Татьяна кивнула и отправилась на поиски Наташки. Она догадывалась, где та может скрываться. В ангаре яхт-клуба, стоящем на берегу озера. Вернее, не в самом ангаре, а в при-

строенном к нему маяке, сложенном из толстых бревен.

Директриса Клавдия Ивановна строго-настрого запрещала воспитанникам интерната даже близко подходить к маяку.

– Это очень старое и ветхое строение, – говорила она. – Оно может обрушиться в любой момент. Его перекрытия и лестницы давно сгнили, так что лучше вам туда не соваться! Нам давно следовало его снести, но у интерната нет на это денег!

Но маяк, словно магнит, притягивал к себе детей. Ведь там было так интересно! Высокая шестигранная деревянная башня венчалась комнатой смотрителя, в которой когда-то стоял мощный прожектор, подававший сигналы местным рыбакам. Лесное озеро часто покрывали густые туманы, и только свет маяка мог подсказать, в какой стороне находится причал. Но прожектор давно разобрали и вынесли, так что сейчас комната представляла собой пустое круглое помещение с конусообразным потолком.

К верхней площадке вела длинная винтовая лестница, проходящая через все нутро деревянной башни маяка. Лестница имела несколько небольших площадок, расположенных одна над другой, на которых и любили сидеть воспитанники приюта, тайком пробиравшиеся сюда по ночам. Мальчишки бегали курить, девчонки – сплетничать, не опасаясь, что их подслушают. А влюбленные парочки приходили в маяк обниматься и любоваться звездным небом.

В шестиугольной башне постоянно стоял легкий гул от

ветра, проникающего в маяк сквозь щели в деревянных стенах. Когда над озером бушевала непогода, шум ветра превращался в истошный вой, от которого кровь стыла в жилах. Поэтому все воспитанники приюта были твердо уверены, что призрак юной ведьмы Клодии обитает именно в маяке.

Татьяна обогнула лодочный ангар, где занимались мальчишки из яхт-клуба, и тайком устремила к входу в маяк. В ангаре постоянно что-то стучало, брнчало, бабахало. Яхтсмены ремонтировали свои яхты и придумывали разные усовершенствования для лодок.

Татьяна старалась ступать бесшумно. Но ее опасения оказались напрасными – заработал сварочный аппарат. В таком шуме ее все равно никто бы не услышал.

Дверь маяка наглухо закрывали толстые доски. По распоряжению Клавдии Ивановны проход был давно заколочен. Но под одной из стен скрывался тщательно замаскированный лаз. Именно через него воспитанники и проникали в деревянную башню. Татьяна протиснулась в узкое отверстие и прикрыла его за собой куском старой фанеры.

В маяке, как всегда, тихо гудел ветерок. Татьяна подняла голову вверх и тут же увидела Наташку. Подруга сидела на одной из верхних лестничных площадок, подперев голову руками. Татьяна начала подниматься по старинным деревянным ступенькам. Доски тихо поскрипывали под ее ногами.

– Ну как ты? – спросила она у Наташки, подходя.

Девочка подняла на нее заплаканные глаза.

– Ты уже знаешь о моем отце? – поинтересовалась она.

– Все уже знают.

Татьяна присела рядом с Наташкой и обняла ее за плечи.

– Я только теперь поняла, как любила его, несмотря на его отношение ко мне, – призналась Наташка. – Он вел себя так, будто я ему не родная дочь. С тех пор как мамы не стало, я и пары месяцев не провела дома. Постоянно жила в этом интернате! Я думала, что ненавижу его. А теперь его нет, и мне безумно его жалко!

Наташка всхлипнула.

– Думаешь, я дура? – взглянула она на Татьяну.

– Конечно нет! – воскликнула Татьяна. – Я хорошо тебя понимаю. Мой отец тоже терпеть меня не может. А я даже не знаю, люблю его или нет. Все же он мой папаша, и, кроме него, у меня никого нет.

– Ума не приложу, что теперь будет, – произнесла Наташка. – Все наследство достанется моей мачехе. А я ведь ее почти не знаю. Отец так любил ее, что даже не давал нам видаться. Наверное, думал, что я ее возненавижу.

– А ты ее ненавидишь?

– Понятия не имею, – пожала плечами Наташка.

– Не переживай, – попыталась успокоить ее Татьяна. – Все образуется, вот увидишь. К тому же все равно мы с тобой собирались доучиться здесь до конца, а потом начать самостоятельную жизнь.

– Верно, – кивнула Наташка.

– Кстати, видела сейчас Анастасию Павловну. Она сказала, что, если тебе будет плохо, можешь прийти к ней в кабинет.

– Да я сама справлюсь. – Наташка вытерла слезы. – Лучше пойдем в столовую. Я умираю от голода.

Девочки поднялись со ступенек и начали спускаться вниз по винтовой лестнице.

– Не время расслабляться, – произнесла Наташка. – Мне ведь, наверное, придется поехать в Санкт-Эринбург... Похороны, оглашение завещания, поминки... Я помню, как все происходило, когда мамы не стало.

Татьяна сдержанно потрепала ее по плечу:

– Крепись.

Они спустились на нижний ярус маяка. Татьяна выбралась из башни через тайный лаз, Наташка последовала за ней. Когда они вылезли из кустов черемухи, окружающих маяк со всех сторон, в лодочном ангаре стояла непривычная тишина. Наверное, мальчишки клуба и их руководитель уже ушли на завтрак в столовую.

Девочки завернули за угол. И нос к носу столкнулись с Клавдией Ивановной.

– Так-так-так! – недовольно произнесла директриса. – Разве я не предупреждала вас о том, чтобы вы не подходили к маяку?

– А мы просто шли мимо! – тут же заявила Татьяна.

– Верно! – подхватила Наташка. – Я хотела подышать свежим воздухом, а Таня меня сопровождала.

– Вы, двое, немедленно в мой кабинет! – процедила сквозь зубы директриса. – У нас будет очень серьезный разговор!

Девочки обреченно вздохнули и медленно поплелись следом за ней. Клавдия Ивановна не впервые устраивала им выволочку, и всякий раз это не заканчивалось ничем хорошим.

Апартаменты директрисы располагались на первом этаже административного корпуса. Там же находились столовая для преподавателей, учительская и комнаты, где служащие интерната жили в рабочие дни.

Клавдия Ивановна завела девочек в свой кабинет и включила старомодные настенные светильники. Работала директриса в мрачном помещении, обшитом темным деревом. Вдоль стен сплошь стояли книжные шкафы, забитые различными толстыми фолиантами. Письменный стол был завален бумагами, классными журналами и документами. Картотека у дальней стены была в таком беспорядке, словно в ней недавно кто-то все перевернул.

Клавдия Ивановна опустилась в свое кресло, не предложив девочкам присесть, и начала угрожающе постукивать металлической авторучкой по столешнице.

– Разве вы не должны сейчас работать в столовой? – осведомилась она. – Почему вы постоянно не выполняете мои приказы?! Тебя, Наталья, я освобождаю от кухонных обязанностей. Понимаю, что ты сейчас переживаешь утрату. Но к

тебе, Федорова, это не относится! Ты мне уже поперек горла стоишь! Все эти твои выходки! Постоянные нарушения распорядка, дурацкие игры в привидения! Ваши родители отправили вас за знаниями, а вы превращаете учебное заведение в балаган! Придется мне все же сообщить твоему отцу. Уж он тебя по головке не погладит!

Татьяна хмуро слушала. В чем-то директриса была права. Она не всегда следовала правилам «Хрустального ручья». Но иногда другие воспитанники совершали куда более серьезные правонарушения, а к ним Клавдия Ивановна была не так сурова, как к ней. Взять того же Дениса Воробьева. Отъявленный драчун и хулиган. Но он считался отличным спортсменом и не раз побеждал в областных соревнованиях по борьбе, так что его выходки руководство интерната как бы не замечало. А Татьяну и Наташку вечно наказывали даже за самые незначительные провинности.

– Ну так как, девочки, поговорить мне с вашими близкими? – ехидно осведомилась Клавдия Ивановна. – Может, им удастся вас образумить?

Татьяна и Наташа стояли перед ней, насупившись, и молчали.

– Языки проглотили? – не унималась директриса.

В этот момент дверь кабинета открылась с громким скрипом.

Все трое вздрогнули и повернулись на звук.

– Да ладно вам, – раздался приятный женский голос. – Что

вы так на них набросились?

Из темного коридора в кабинет вошла невысокая женщина в элегантном бледно-розовом брючном костюме. На ней была широкополая шляпа, в руке – изящная дамская сумочка из розовой кожи. Незнакомка окинула любопытным взглядом комнату, поморщилась, затем взглянула на девочек. У нее было миловидное лицо и добрый взгляд. На груди женщины сверкала крупная бриллиантовая брошь в виде скорпиона.

– Кто вы такая, позвольте поинтересоваться? – сухо спросила директриса. – Мы знакомы?

– Пока нет, – покачала головой женщина в розовом. – Но обязательно познакомимся. Простите, что вмешалась, но я не думаю, что эти двое совершили какое-то серьезное преступление.

– Я попросила бы вас не вмешиваться не в свое дело, уважаемая! – ледяным голосом произнесла директриса.

– С некоторых пор это и мое дело тоже, – возразила незнакомка.

Она приблизилась к столу, поставила на него сумочку и начала стягивать с рук перчатки из тонкой, мягкой кожи. Татьяна и Наташа с интересом наблюдали за ней. Клавдия Ивановна тоже не сводила с нее нахмуренного взгляда.

Незнакомка сдернула наконец перчатки с рук. На безымянном пальце ее правой руки сверкнул черный перстень. Камень его был выточен в виде человеческого черепа с оска-

ленными клыками вместо зубов. Очень странное и даже злое украшение.

Татьяна с любопытством уставилась на перстень. Он наверняка был сделан из обсидиана – черного вулканического стекла. Она совсем недавно читала об этом материале в Интернете.

Девочка вдруг вспомнила, что только сегодня утром видела такое украшение на руке медсестры.

Тем временем незнакомка в розовом подняла руку и продемонстрировала перстень Клавдии Ивановне.

Директриса ошарашенно на него уставилась, затем с пониманием кивнула. Открыла верхний ящик стола, извлекла из него точно такой же перстень и показала госте.

– Магдалена, – представилась женщина в розовом. – Думаю, вы обо мне слышали, но до сих пор у нас не было возможности познакомиться лично.

– Клодия, – ответила Клавдия Ивановна. – Вы правы, я о вас много слышала.

Они сдержанно улыбнулись и кивнули друг другу.

– Девочки, – обратилась затем к подругам незнакомка, – не могли бы вы подождать в коридоре? Нам с Клавдией Ивановной нужно кое о чем поговорить.

Татьяна вопросительно посмотрела на директрису. Та медленно кивнула. Они с Наташей вышли в коридор и закрыли за собой дверь.

– Что это было? – тут же прошептала Наташка. – Ты виде-

ла эти перстни? А директриса с этой теткой! Они так представились друг другу, будто состоят в какой-то секретной организации!

– Но почему Клавдия назвалась Клодией? – недоуменно спросила Татьяна. – Может, это у них пароль такой?

– Скорее, кличка в их тайной ложе!

Татьяна тихо усмехнулась:

– Скажешь тоже! Чтобы наша Клавдия состояла в какой-то секретной организации!

Наташка прижалась ухом к двери:

– О чем они там, интересно, болтают?

– Подвинься! Я тоже хочу послушать! – Татьяна пихнула ее в бок. – Слышно что-нибудь?

– Да, – прошептала Наташка. – Кто-то только что сказал: «Слышно что-нибудь?»

– Это я, дура!

Татьяна подвинула подружку, прилепилась ухом к замочной скважине и напрягла слух. Клавдия и ее странная гостья говорили вполголоса, но некоторые обрывки фраз все же можно было разобрать.

– Я ждала вас только завтра... – слышался голос директрисы. – Документы я уже приготовила... Ее отец звонил... «Ковен»... Будут очень довольны...

– Наши эксперименты... Очень удачно... – отвечала ей посетительница. – Это даст необходимый толчок... «Спящая красавица» должна быть опробована... От этого многое за-

висит... Как она?

– Несколько своевольна, но, в общем, не доставляет хлопот... Неплохо рисует, увлекается йогой, единоборствами...

Татьяна замерла. Они обсуждали ее!

– Ничего не подозревает?

– Нет... Далеко не первый метаморф в моей практике...
«Экстрополис» спонсирует наши изыскания...

– Замечательно! – довольным тоном произнесла незнакомка в розовом костюме.

Голоса вдруг стихли, затем послышался звук приближающихся шагов. Татьяна отпрыгнула от двери и потащила Наташку за собой. Едва они успели подскочить к окну и принять отвлеченный вид, как дверь кабинета распахнулась и Клавдия Ивановна вышла в коридор. Ее гостя двигалась вслед за ней.

Директриса довольно улыбалась.

– Татьяна, у меня для тебя хорошие новости, – сказала она медовым голосом. – Твой отец забирает тебя из интерната. Эта женщина, коллега Александра Борисовича, отвезет тебя домой в Ягужино. Отец прислал ее специально за тобой.

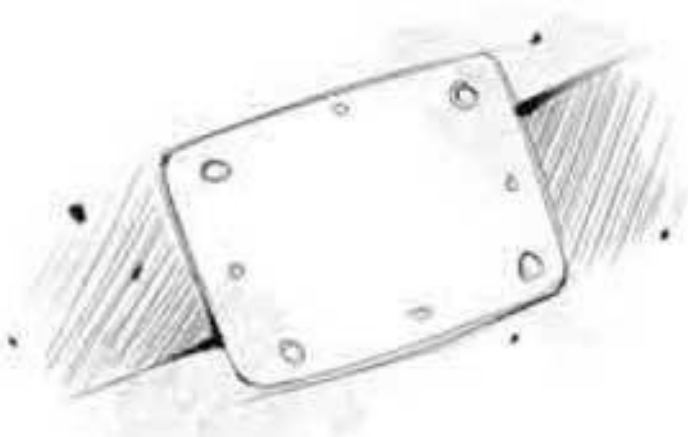
Татьяна просто остолбенела. Вот так новости! Наташка издала какой-то горестный вздох и оперлась спиной о стену.

А женщина в розовом с мягкой улыбкой на лице приблизилась к Татьяне и протянула ей руку.

– Ну, давай знакомиться, Танечка, – ласково проговорила она. – Я старая подруга твоего отца. Меня зовут Тамара

Петровна Оболдина.

Черного перстня с черепом на ее пальце уже не было.

Глава шестая

Тайна директрисы

Собираться долго не пришлось. Все имущество Татьяны уместилось в один небольшой потрепанный чемоданчик, с которым она ездила в интернат и обратно с самого первого класса. Вещей у нее было немного: пара джинсов, пара свитеров, туфли, мальчишеская рубашка и простенькое платье, ни разу так и не надетое. Татьяна предпочитала удобную одежду, в которой можно было не только сидеть на уроках, но и носиться по территории. Еще у нее имелся красивый купальник красного цвета для занятий йогой и пара разношенных кроссовок.

Девочка как раз захлопнула крышку чемодана, когда в ее комнату заглянула повариха Евдокия Семеновна.

– Правда, что ли, уезжаешь? – расстроенно спросила женщина.

– Правда, – кивнула Татьяна. – Самой не хочется.

– Я тебе тут по-быстрому пирожков в дорогу напекла. – Евдокия Семеновна сунула ей в руки увесистый пакет. – Угощайся да меня вспоминай. Дома ты таких не попробуешь!

– Спасибо, Евдокия Семеновна, – грустно проговорила Татьяна. – Вы уж извините меня, если я вас напугала тем вечером...

– Да брось ты! – отмахнулась повариха. – Даже смешно получилось! Старшеклассницы каждый год пугают малолеток привидением, но такого страшного я на своем веку не при помню!

Они рассмеялись.

– А я ведь увольняюсь, – сказала вдруг Евдокия Семеновна.

– Как так? – удивилась Татьяна.

– Мне работу предложили дома, в Клыково. У нас там тоже закрытое учебное заведение имеется, настоящая академия. Буду тамошней столовой заведовать. И добираться быстро, и заработок побольше обещают.

– Рада за вас!

– Ты вот что... Будешь в Клыково, заезжай в гости. Буду рада. Адрес я тебе сейчас напишу.

Евдокия Семеновна взяла со стола блокнот, вырвала из него листок и написала на нем свой адрес и номер телефона.

– Хорошие вы девчонки, – что ты, что Наташка! Звоните в любое время, мне приятно будет с вами поболтать.

– Хорошо, – пообещала Татьяна, убирая листок в чемодан. – Я вам обязательно позвоню!

Евдокия Семеновна обняла ее на прощание и ушла. А в комнату заскочила Наташка. Девчонки обнялись, и вдруг обе расплакались.

– Не реви, дурочка! – сказала Татьяна, вытирая собственные слезы. – Я ведь не на край света уезжаю! Ягужино не так

уж далеко отсюда.

– Да не в расстоянии дело! – всхлипнула Наташка. – Меня ведь тоже скоро заберут домой. Клавдия уже сообщила мне, что Ирма хочет, чтобы я жила с ней.

– Значит, она не такая уж плохая!

– Поживем – увидим! Но что я без тебя делать буду? Ты же моя лучшая подруга!

– Я буду звонить, обещаю! И ты мне звони, знаешь ведь номер мобильного. Мы же собирались вместе поступать в один университет, так что ненадолго расстанемся. До окончания учебы еще каких-то пара-тройка лет, а потом мы опять будем жить в одной комнате в студенческом общежитии!

Наташка улыбнулась сквозь слезы.

– Клянешься?

– Клянусь! – твердо сказала Татьяна.

Девочки снова обнялись. Татьяна взяла свой чемоданчик, и они с Наташкой вышли в коридор.

Тамара Петровна в широкополой шляпе уже ждала их там. Она взяла чемодан из рук Татьяны и понесла его сама. Наташка проводила их до ворот интерната, где они с Татьяной в последний раз обнялись и попрощались.

– Звони мне, – напомнила ей Татьяна.

– И ты мне!

Затем Татьяна села в машину Тамары Петровны, они тронулись с места и быстро покатали прочь от «Хрустального ручья».

Наташка долго еще махала им вслед, стоя у ворот интерната.

* * *

Директриса Клавдия Ивановна наблюдала за их прощанием из окна своего кабинета, и на ее длинном лице блуждала загадочная улыбка.

Наконец-то одной головной болью меньше!

Среди воспитанников «Хрустального ручья» всегда были подростки, непохожие на остальных детей. За каждым из них велось пристальное наблюдение, их личные характеристики хранились в тайном сейфе под полом кабинета директрисы. Воспитание таких детей считалось очень ответственным делом, к которому Клавдия Ивановна относилась с большой серьезностью. К таким уникамам относилась и Татьяна Федорова, хоть сама об этом даже не подозревала.

Директриса не любила эту девчонку, но осознавала, что у нее имеется немалый потенциал. Как и некоторые другие, она сыграет важную роль в событиях, которым пока еще только предстоит произойти. А пока пусть за ней следит ее отец. У Клавдии Ивановны есть и другие заботы.

Она перевела взгляд на берег озера, где возвышались старый лодочный ангар и островерхая башня маяка. Именно там, по легенде, обитал призрак юной ведьмы Клодии. Девчонки младшей группы, как раз высыпавшие во двор, до сих

пор не забыли недавнее ночное представление с привидением и горячо его обсуждали. Клавдия Ивановна слышала их возбужденные голоса даже из своего кабинета.

Директриса недовольно скривилась.

Она столько сил и средств прикладывала, чтобы эта давняя история стерлась наконец из памяти учеников, но ничего не выходило. История о призраке утонувшей Клодии передавалась из уст в уста на протяжении нескольких десятилетий. Поколения воспитанников сменяли друг друга, но старшие ученики из года в год усердно пугали этой страшилкой младших, хотя никто из них понятия не имел, что же на самом деле случилось в «Хрустальном ручье» сорок лет назад.

А правда заключалась в том, что воспитанница по имени Клодия вовсе не утонула. Она одурачила всех и безнаказанно утопила свою соперницу. А позже, став взрослой и сменив имя на обычное и привычное, она вступила в ряды ведьм «Черного Ковена» и стала директором этого самого интерната.

– Можно у вас кое-что спросить? – поинтересовалась Татьяна у Тамары Петровны, когда крыши корпусов «Хрустального ручья» скрылись за верхушками высоких сосен.

– Конечно, дорогая, – не отрывая взгляда от дороги, кивнула Оболдина.

Девушка раскрыла пакет с пирожками Евдокии Семеновны и принялась за угощение. Тамара Петровна отказалась, сославшись на диету.

– Почему при встрече вы назвались Магдаленой, а наша директриса Клодией? – спросила Татьяна. – И что означают ваши одинаковые перстни?

– Какая наблюдательная девочка, – с улыбкой произнесла Тамара Петровна. – С таким талантом тебе можно преступления распутывать! А ответ на твой вопрос очень прост. Когда-то, в далекой молодости, мы с Клавдией Ивановной учились в одном университете и состояли в одной студенческой организации. Мы были такими выдумщицами! Звали друг друга вымышленными именами, а перстни говорили о нашей принадлежности к этому кружку.

Татьяна задумалась, жуя пирожок. Что-то тут не срасталось.

Тамаре Петровне и Клавдии Ивановне уже явно стукнуло по пятьдесят лет. Может, и больше. А вот медсестра Анастасия Павловна была еще совсем молодой. Как они могли все вместе учиться и состоять в одной студенческой организации? К тому же не могли они все посещать один университет. Ведь Оболдина была какой-то ученой, Анастасия – медиком, а Клавдия управляла интернатом! Тамара Петровна явно что-то недоговаривает. Да и какая студенческая организация выбрала бы своим символом жуткий черный череп с клыками?

– А чем занималась ваша организация? – спросила Татьяна.

– Я сейчас уже не помню, – пожала плечами женщина. –

Так, какими-то обычными студенческими глупостями. В любом случае, все это происходило очень давно и не стоит твоего внимания.

Говоря это, Тамара Петровна продолжала улыбаться, но вот ее взгляд... Он был просто ледяным и не предвещал ничего хорошего.

Татьяна сразу поняла, что Оболдина ее обманывает. Но ясно было и то, что не стоит продолжать расспросы, иначе могут возникнуть неприятности.

– А почему отец сам не приехал? – меняя тему, поинтересовалась девушка.

– О, он так занят, – озабоченно сказала Тамара Петровна. – Работает над новым лекарством. Как, кстати, твоя болезнь? Очень беспокоит?

– Совсем не беспокоит. – Татьяна отвернулась к окну и начала разглядывать проносящиеся мимо деревья. – Я ничего не чувствую, хотя все вокруг утверждают, что я сильно больна. Даже странно как-то.

– А уколы медсестра тебе делала?

– Да, каждый месяц.

– Вот поэтому ты ни на что не жалуешься, – сказала Тамара Петровна. – Твой отец передавал в интернат необходимые лекарства. А сейчас он создает средство, которое окончательно излечит тебя в будущем.

Чем дольше Татьяна слушала Оболдину, тем меньше верила. Не очень-то ее отец был похож на создателя лекарств.

Вечно небритый, неопрятный, с грязью под желтыми ногтями, в замызганном, покрытом сомнительными пятнами белом халате. Он больше смахивал на рубщика мяса на продуктовом рынке, чем на ученого.

Вот только зачем Оболдиной врать ей? Какую цель она преследовала?

Лесная просека закончилась, и машина выехала на автостраду. Оболдина хорошо управляла автомобилем, как настоящий профессионал, и при этом всю дорогу не умолкала, рассказывая Татьяне то о том, то об этом. Девочка больше слушала, чем говорила, иногда кивая головой и вставляя: «Да ну?!» или «Вот это да!»

За этой болтовней дорога показалась Татьяне не такой уж и долгой.

Тамара Петровна сообщила, что у них с Таниным отцом общее дело, что работают они в одном институте и даже в одной лаборатории. Создают новые экспериментальные лекарства и занимаются еще разной другой работой, о которой Татьяна не поняла ни слова.

До деревни Ягужино они добрались только к вечеру. Солнце уже садилось, медленно скрываясь за живописными зелеными холмами, на которых и раскинулось поселение. Из труб домов в ясное голубое небо вился белый дымок, вдалеке блестела гладь озера. Домики в Ягужино были преимущественно небольшие, деревянные, но среди них попадались и большие каменные особняки зажиточных городских бизне-

сменов.

Дом, в котором жил отец Татьяны, как раз относился к таким. Это было высокое двухэтажное строение из серого кирпича с красной черепичной крышей. У входной двери была пристроена большая застекленная терраса, прямо над ней располагался большой балкон. Участок, прилегающий к дому, огораживал аккуратный белый забор в человеческий рост высотой.

Когда они остановились у ворот, дверь дома отворилась, и отец вышел им навстречу. Он, как всегда, был в мятом белом халате и выглядел так, словно не спал несколько дней, а возился с пробирками в своей лаборатории. Тощий, длинный и недовольный. Именно таким она его и помнила.

– Ну здравствуй, дочь, – без особых эмоций поздоровался Александр Борисович. – Как добрались?

– Привет, пап, – сказала Татьяна.

– Доехали замечательно! – расплылась в радушной улыбке Тамара Петровна. – Ваша девочка оказалась такой чудесной собеседницей, профессор!

Татьяна тем временем открыла багажник и вытащила свой чемодан. Отец даже не двинулся, чтобы ей помочь. Они поднялись на крыльцо и вошли в дом. Все осталось точь-в-точь таким, как запомнила Татьяна, когда была здесь в последний раз. Стены с потемневшими обоями, простая деревянная мебель, скромные занавески на окнах. На второй этаж вела широкая деревянная лестница с резными перилами. Там, рядом

с чердаком, находилась комната Татьяны. А в подвале, насколько она помнила, располагалась лаборатория отца, в которую он никогда в жизни не пускал свою дочь.

Пока Тамара Петровна хозяйничала на кухне, Александр Борисович, кряхтя и с трудом переставляя ноги, проводил дочь в ее комнату. За прошедшее время он сильно постарел, стал еще более худым и изможденным. Отец и так никогда не был красавцем со своими жуткими шрамами, испещрявшими всю левую половину лица, и отсутствующим левым глазом, а теперь стал еще страшнее. Татьяну его внешность всегда приводила в ужас. Может быть, отчасти поэтому она не особо стремилась из интерната домой.

Отец толкнул дверь комнаты и поправил очки на длинном носу. Черная пластиковая вставка вместо стекла с левой стороны прикрывала пустую глазницу.

– Вот твоя комната, – глухо сказал отец. – Можешь располагаться.

– Надолго я здесь? – спросила Татьяна.

– В интернат ты больше не вернешься, если ты об этом, – сухо ответил отец. – Дальше будешь обучаться на дому.

– Здесь, в деревне? – удивилась она.

– Да.

Татьяна открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но отец ее опередил:

– Все разговоры позже, за ужином. А пока отдыхай и обустраивайся.

Он развернулся и ушел. Деревянные ступени громко закрипели под его тяжелыми шагами. Татьяна проводила отца недоуменным взглядом. Учиться на дому здесь, в Ягужино? Да тут и репетиторов-то нет. Но в деревне, кажется, есть своя школа. Так почему бы не записать ее туда?

Татьяна внесла чемодан в комнату – небольшую, но очень уютную. Потолок, выкрашенный белой краской, был немного скошенным, поскольку комната располагалась под самой крышей. Напротив двери находилось большое окно, через которое можно было вылезти на кровлю, а потом по дереву спуститься во двор. Возле окна стояла ее старенькая узкая кровать. Татьяна обрадовалась ей, словно давней знакомой. К другой стене был придвинут письменный стол, на котором обнаружился новенький ноутбук. Раньше его тут не было, видимо, отец специально купил к ее приезду. Еще в комнате стоял потрескавшийся платяной шкаф до потолка, пара расшатанных стульев и маленький телевизор.

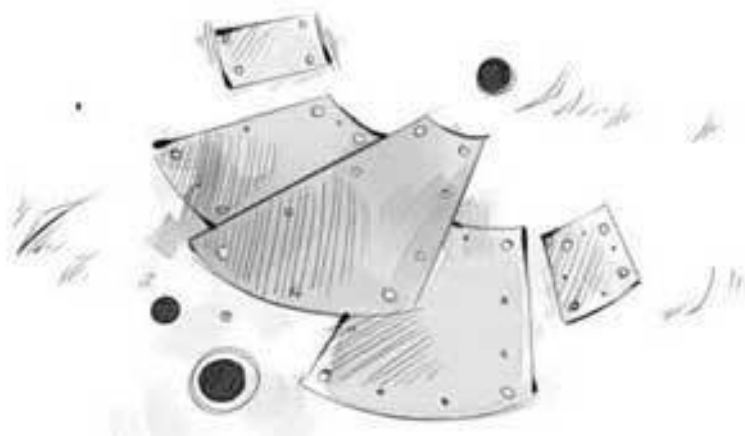
Татьяна раскрыла дверцы шкафа и поморщилась – пронзительно и громко закрипели петли, поднялась туча пыли. Пришлось срочно распахнуть окно. Шкаф был заполнен ее старыми детскими вещами, из которых она давно выросла. Татьяна разобрала свой чемоданчик, затем сунула его под кровать, а сама вытянулась на мягком матрасе, подложив руки под голову, и уставилась в скошенный потолок.

Наконец-то она дома.

Татьяна не знала, как сложится ее жизнь с отцом, но ра-

довалась уже тому, что ей больше не придется встречаться с Клавдией Ивановной. Интересно, а Тамара Петровна тоже живет в этом доме? А может, они с отцом не просто коллеги по работе?

Кровать была такой удобной и мягкой, а Татьяна все-таки устала в дороге. Не прошло и пяти минут, как она уже спала, причем сама не заметила, как это произошло.

Глава седьмая

Новые соседи

Ночью кто-то заботливо подложил под ее голову подушку, а саму девушку накрыл теплым одеялом. Татьяна проснулась отдохнувшей и полной сил, сладко потянулась в мягкой постели. Ее комнату заполнял солнечный свет, через открытое окно лился свежий утренний воздух, было слышно громкое пение птиц. Татьяна уже и забыла, каково это – встречать утро в деревне. Она невольно улыбнулась и встала с кровати.

Деревня постепенно просыпалась. В соседних дворах мычали коровы, блеяли козы, громко кукарекали петухи. Где-то поблизости раздавалось тарахтение техники, доносилась музыка из радиоприемников. От всего этого веяло таким умиротворением, что Татьяна даже зажмурилась от удовольствия. Все-таки в родном доме намного лучше, чем в интернате. Дома, как говорится, и стены помогают. Оставалось только выяснить, чего хочет от нее отец. Ведь зачем-то он забрал ее из «Хрустального ручья»?

Татьяна присела на широкий подоконник. В соседнем дворе теперь возвышался огромный дом из красного кирпича. Раньше, насколько она помнила, тут стояла древняя, покосившаяся двухэтажная избушка, стены которой подпирали толстые бревна. Новый дом был очень красивым, ку-

да лучше, чем их с отцом. Высокие окна, свежеекрашенная крыша, колонны на широком крыльце. Дом был окружен большим садом из плодовых деревьев. Татьяне из окна были видны яблони, груши, вишни, а под всем этим зеленым великолепием — клумбы с яркими цветами.

Во дворе, за решетчатой оградой, прямо напротив Таниного окна, стояла приподнятая на домкратах новенькая иномарка белого цвета. Из-под нее торчали чьи-то босые ноги в синих подвернутых джинсах.

В этот момент из соседнего дома появилась молодая, симпатичная женщина в коротком цветастом халатике. Ее светлые волосы были накручены на здоровенные бигуди.

— Олег! — позвала она. — Ты куда опять подевался?

Из-под машины послышалось что-то, похожее на сдавленное ржание.

— Открой глаза пошире, сладенькая! Может, тогда меня увидишь!

Одна джинсовая нога поднялась над травкой и приветливо покачалась в воздухе. Женщина заметила это, подошла к машине и опустилась рядом с ней на корточки.

— Строители сделали в туалете кривой потолок, — заглядывая под капот, сообщила женщина. — Как это понимать?

— Архитектор был пьян в стельку и страдал косоглазием, — послышалось из-под иномарки. — Других объяснений у меня нет.

— Но с этим ведь что-то надо делать?

– Пусть остается, как есть. Это будет особенностью нашего нового дома!

– Не нужны мне такие особенности, – недовольно сказала женщина.

– Тогда возьми в гараже напильник и подровняй потолок сама!

Женщина, вскочив, наподдала ногой лежащему под машиной.

Тот громко ойкнул. Блондинка в бигудях повернулась, и Татьяна поспешно спряталась за шторой.

– Говорила мне мама не выходить за тебя замуж! – гневно сказала блондинка. – А я ее не слушала. И вот что получила!

– Я тоже знаю, что мы счастливы вместе, – слышалось из-под машины.

– Ага, так сильно любим друг друга, что уже два раза откладывали развод!

Татьяна громко прыснула и тут же присела, чтобы ее не заметили. В этот момент снизу позвали завтракать.

* * *

Завтрак оказался довольно скромным. Отец заварил чай и высыпал в керамическую вазочку несколько черствых пряников в мятной глазури. На тарелке высилась горка бутербродов с колбасой, рядом стоял графин апельсинового сока. Тамара Петровна Оболдина все еще была здесь. Оказа-

лось, что у нее действительно имеется своя комната в их доме. Женщина сидела за столом в элегантном бежевом брючном костюме и потягивала кофе из небольшой позолоченной чашечки. Они с отцом о чем-то переговаривались вполголоса, но стоило Татьяне войти на кухню, как оба тут же умолкли.

Александр Борисович хмуро уставился на дочь своим единственным глазом. Немного робея, Татьяна осторожно присела на край стула и придвинула к себе тарелку с бутербродами. Отец налил ей чай в большую кружку.

– Освоилась? – спросил он.

– Да, вещи уже разложила, – сказала девочка.

– Вчера я зашла, чтобы позвать тебя ужинать, – сообщила Тамара Петровна, – но ты так сладко спала, что я решила тебя не будить.

– Я отлично отдохнула, – улыбнулась ей Татьяна.

– Как твои успехи в учебе? – поинтересовался отец.

– Нормально, – кивнула Татьяна.

– Хорошо, – сказал отец. – В этом году ты вела себя куда лучше, чем в прошлом. Мне даже ни разу не звонили с жалобами на тебя.

Тамара Петровна с улыбкой отставила пустую чашку в сторону.

– Мне тоже Клавдия Ивановна не жаловалась. Наоборот, она всячески хвалила Танюшу!

Татьяна бросила на нее удивленный взгляд. Оболдина по-

дружески подмигнула в ответ.

Наверняка директриса ей наябедничала и рассказала про призрака, но Оболдина не стала докладывать об этом отцу. Забыла? Хотела подружиться? Годы, проведенные в интернате, научили девочку, что ничего не бывает просто так, за все рано или поздно придется платить. Нужно обдумать это позже, решил про себя Татьяна. А вслух спросила:

– Почему ты решил забрать меня раньше срока?

Отец с хрустом разжевал сухой пряник.

– На то есть причины, – с набитым ртом сказал он. Его обезображенная шрамами щека нервно дернулась. – Видишь ли, я никогда тебе об этом не рассказывал, но у твоей матери тоже был диабет...

Татьяна удивленно на него посмотрела. Действительно, об этом она слышала впервые.

– Это очень опасное заболевание, и до недавних пор от него не было никакого спасения. Твоя мать умерла от диабета вскоре после того, как на свет появилась ты.

Девочка взволнованно охнула:

– Я не знала об этом.

– Не хотелось тебя расстраивать лишний раз, но теперь совсем другое дело...

– Почему?

– Потому что то же самое заболевание и у тебя.

– Я в курсе, – кивнула Татьяна.

– Но ты не в курсе, что болезнь развивается, и теперь у

тебя более тяжелая стадия.

– Что?! – испуганно воскликнула Татьяна. – Этого не может быть!

– Еще как может!

– Нет! Мне ничего об этом не говорили! Даже медсестра в интернате! А ведь у нас там каждые полгода проводились медосмотры!

Отец печально ей улыбнулся:

– Она сообщила об этом мне. Поэтому я и решил забрать тебя домой, чтобы заняться твоим лечением лично.

Аппетит как-то сразу пропал.

– И что теперь? – убито спросила девушка. – Вы отправите меня в больницу?

– Ну что ты, дорогая, – мягко улыбнулась Тамара Петровна. – Не зря же мы столько времени работали над лекарством! Твой отец сможет сам излечить тебя. Он будет делать тебе инъекции препарата каждый вечер, и ты полностью излечишься! А врачи нам не нужны, мы ведь сами медики!

Татьяна почувствовала некоторое облегчение. Она всегда побаивалась докторов. Она и уколы не любила, но что было делать? Хочешь выздороветь, терпи.

Тамара Петровна мягко потрепала ее по руке.

– Мы спасем тебя, – пообещала она. – Можешь не волноваться. А пока, может, сходишь на озеро искупаться? Погода дивная, солнышко так и припекает!

– Нет, спасибо, – сдавленно произнесла Татьяна. – Лучше

я наведу порядок в своей комнате.

– Понимаю, – кивнула Тамара Петровна. Она как-то странно переглянулась с отцом. – После таких новостей... Но, как я уже говорила, все будет хорошо!

Татьяна взяла еще один пряник и опустила его в кружку, чтобы хоть немного размочить. В этот момент старенький радиоприемник, висевший на стене, с треском и громкими помехами начал передавать местные новости.

– ...И вновь напоминаем тем, кто держит скот, – послышалось из динамика, – не оставляйте коров и коз без присмотра и не пасите их в лесу. Вчера егери вновь обнаружили в чаще растерзанную тушу лося, уже пятую за последний месяц. По их мнению, в округе орудует стая волков. Меры уже приняты, но результатов пока никаких. Родителям не рекомендуется отпускать детей в лес. Кто знает, как поведут себя дикие звери!

– Рядом с Ягужино водятся волки?! – откровенно удивилась Татьяна.

– В этой деревне постоянно что-то происходит, – отмахнулась Тамара Петровна. – Местные власти больше панику наводят. Ну, задрали волки пару лосей и что с того? Так всегда было и так всегда будет. Это закон природы – сильный пожирает слабого. Не обращай внимания, дорогая!

Она встала из-за стола и подошла к открытому окну. С соседнего участка вдруг донесся громкий женский крик:

– Олег! Куда ты подевал напильник?!

– Он на кухне! – ответил Олег.

– Там такой бардак, что я ничего найти не могу! Развел настоящий свинарник!

– Может, нам уже ребенка завести? – крикнул в ответ Олег. – Будет кому наводить порядок и ходить в магазин!

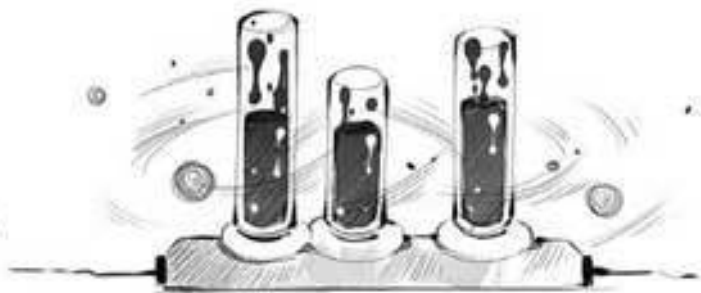
Татьяна улыбнулась.

– А кто у нас в соседях? – спросила она. – Я не видела их раньше...

Александр Борисович презрительно фыркнул:

– Молодая парочка! Парень – полный кретин, а его жена – идиотка! Ни больше ни меньше! Старый дом принадлежал его отцу, а они въехали совсем недавно после полной перестройки дома. Как же они оба меня раздражают!

Его лицо вдруг исказилось от злости. Татьяна чуть не поперхнулась бутербродом. Она никогда еще не видела отца в таком бешенстве, и у нее сразу пропало желание говорить, что новые соседи ей понравились. Вообще нужно было сначала разведать обстановку, а уж потом высказывать свое мнение.

Глава восьмая

Ягужинские развалины

Татьяна весь день приводила в порядок свою комнату и разбирала вещи в шкафу, краем уха слушая работающий телевизор. Передачи и сериалы сменяли друг друга, она не обращала на них особого внимания. Ее заинтересовал лишь выпуск криминальной хроники на одном из каналов. После рекламного блока речь снова пошла об убийстве бизнесмена Николая Морозова. Татьяна прибавила громкость в телевизоре.

Выступала помощница главного прокурора Санкт-Эринбурга Эмилия Гордуновская. На этот раз она была в лучшем расположении духа.

– Водитель Николая Егоровича чудом остался в живых, – сообщила женщина репортеру. – Его отравили сильным токсином, и сейчас он в коме. Однако был момент, когда водитель ненадолго пришел в себя и успел нам кое-что сообщить.

– Правда ли, что на записи камер слежения, установленных на стоянке, виден напавший на Морозова человек? – поинтересовался репортер.

Эмилия нахмурилась:

– Откуда вам это известно?

– У нас есть свои источники.

– На пленке виден лишь расплывчатый силуэт женщины, – нехотя проговорила Гордуновская. – По словам водителя, она называла себя Сладкий Яд и пользовалась отравленными иглами. Больше о преступнице пока ничего неизвестно. Она объявлена в розыск.

Репортер обратился к телезрителям.

– Нам удалось получить фрагмент записи, – доверительно сообщил он. – Наши специалисты увеличили изображение и обработали его на компьютере. Сейчас мы покажем вам фотографию преступницы.

На экране возникло расплывчатое, темное изображение.

Татьяна увидела странного вида девушку в коротком плаще и больших круглых очках.

– Известно, что у преступницы был сообщник. К сожалению, этот человек не попал в объективы камер. Остается не ясно, каким именно образом злоумышленникам удалось заморозить автомобиль бизнесмена, – продолжил свой репортаж корреспондент.

Потом начался следующий сюжет, и Татьяна переключилась на другой канал. Но здесь показывали пресс-конференцию руководства компании «Амариллис». За высокой трибуной стояли какие-то люди в строгих черных костюмах, их то и дело освещали яркие блики фотовспышек. Но вот возбужденные голоса немного поутихли, и перед камерами появилась мачеха Наташки Ирма Морозова.

Женщина оказалась настоящей красавицей, несмотря на

свой уже не самый юный возраст. По словам Наташки, Ирме перевалило за сорок, а на телеэкране она выглядела лет на тридцать, не больше. Элегантный черный костюм, драгоценности, изящно уложенные платиновые волосы лишь подчеркивали ее красоту.

Ирма грациозно поднялась по ступенькам на трибуну и замерла перед объективами телекамер.

– Я благодарна вам за то, что вы собрались здесь почтить память моего мужа, – сдержанно произнесла она. – Он был великим человеком. Николай Егорович очень многое сделал для процветания нашей компании. Он всегда мечтал жить в мире, где главенствовала бы красота. Поэтому теперь, когда я встала во главе фирмы, мой долг – продолжить его начинания. Компания «Амариллис» все так же будет радовать наших постоянных покупателей своими новыми товарами.

Татьяна взяла в руки мобильник и набрала номер Наташки. Но телефон подруги был отключен. Наверное, у нее сейчас было много забот, связанных с похоронами отца. Татьяна решила позвонить ей позже, через пару дней, когда все утрясется.

Она убрала телефон и расстелила на полу коврик для занятий йогой. Ей всегда нравилось заниматься медитацией. Эту науку она открыла для себя в третьем классе интерната с легкой руки одной одноклассницы, чей отец был настоящим йогом. Медитация была хорошим способом расслабиться, очистить голову от посторонних мыслей. После ме-

дитации Таня всегда чувствовала себя отдохнувшей, бодрой, даже настроение улучшалось. В интернате Татьяна ходила на йогу почти каждый день после занятий единоборствами, и ей не хотелось нарушать эту традицию.

Татьяна опустилась на пол и замерла в позе лотоса. Через открытое окно до нее доносились крики молодых соседей. Парочка снова переругивалась, обзывая друг друга разными смешными прозвищами.

* * *

Комната Тамары Петровны была постоянно заперта, как и вход в подвал дома. Большую часть времени Оболдина проводила в Санкт-Эринбурге, а в Ягужино приезжала два-три раза в неделю. Тогда-то она и останавливалась у Федоровых. Татьяна поначалу думала, что та метит в мачехи, но все оказалось совсем не так. Отец и Тамара Петровна звали друг друга только по имени-отчеству и исключительно на «вы». Видимо, их и впрямь связывала только общая работа.

Первую инъекцию нового чудодейственного лекарства от диабета, разработанного Александром Борисовичем, Татьяна сделала на следующий вечер после ее возвращения в Ягужино.

Отец впервые в жизни пригласил Таню в свою лабораторию – мрачное подвальное помещение с низким потолком, заставленное стеллажами с химикатами и разными странны-

ми приборами, – и попросил прилечь на кушетку. Татьяна легла. Он закатал ей рукав кофточки и вколол в плечо какую-то странную жидкость ядовито-желтого цвета. Девушке даже показалось, что этот препарат светится в темноте.

Едва отец выдернул иголку из ее плеча, Татьяна тут же отключилась.

Очнулась она лишь утром следующего дня.

Она лежала в своей постели, раздетая, ее голова раскалывалась от боли. И она совершенно не помнила, как оказалась в своей комнате. Следующим вечером все повторилось. очередной укол и очередной обморок.

– Так и должно быть, – сказал ей утром отец. – Я очень доволен ходом эксперимента. Твой организм борется с заболеванием и таким образом реагирует на лечение.

У Татьяны не было причин не верить ему, хотя ее немного напрягало слово «эксперимент». Но все-таки он был ее отцом и не мог причинить ей вреда. Да и Тамара Петровна, когда приезжала из города, всегда была весела, любезна и щебетала, словно канарейка. Она рассказывала разные интересные истории про свою работу в исследовательском институте «Геликон», готовила Татьяне завтраки, заботливо интересовалась ее самочувствием. Постепенно девушка начала доверять ей, хотя иногда ей по-прежнему казалось, что Оболдина чего-то недоговаривает.

Вскоре после начала лечения ежедневные утренние головные боли прекратились. Татьяна просыпалась бодрой и от-

дохнувшей, но ничего не помнила о прошедшей ночи. Александр Борисович не уставал повторять ей, что все в порядке, но ее не очень-то радовало такое положение вещей. Особенно если учесть, что ее болезнь по-прежнему никак себя не проявляла.

Дни Татьяна проводила дома, занимаясь хозяйством либо гуляя в саду. Отец обещал в скором будущем нанять для нее репетитора, но пока этого не произошло, основными развлечениями Татьяны были компьютер, телевизор и редкие походы в деревенский продуктовый магазин.

Однажды утром, когда отец снова закрылся в своей лаборатории, а Тамара Петровна уехала в город, Татьяна наконец-то собралась на пляж. В детстве она с удовольствием бегала на ягужинское озеро с местными ребятами, но сейчас никого из них в Ягужино не осталось, все подались в город. Новых знакомств в Ягужино Татьяна еще не завела, все сидела дома. И вот наконец решила отправиться на озеро одна.

Татьяна постучалась в дверь подвала и, услышав приглушенный голос отца, крикнула:

– Ты не будешь возражать, если я схожу на пляж?

– Конечно, ступай куда хочешь! Только не отвлекай меня от работы! – последовал ответ.

Татьяна быстро собралась, сделала себе пару бутербродов, надела под платье купальник и отправилась на берег озера.

В последний раз она была на озере лет шесть назад, но с тех пор тут ничего не изменилось – все тот же пологий пес-

чаный берег, тянувшийся насколько хватает глаз, редкие островки мягкой травы, по которым хорошо прыгать, когда песок становится чересчур горячим, и густой лес, плотно обступающий пляж со всех сторон.

Приблизившись к самой кромке воды, Татьяна увидела неподалеку группу местных ребят. Мальчишек было четверо, трое казались ее ровесниками, последнему едва исполнилось восемь лет. Они сгрудились на берегу тесной стайкой и увлеченно играли в какую-то забавную игру: по очереди подпрыгивали на месте, отбивая ногой кусочек меха с пришитым к нему грузиком. Веселый хохот и громкие крики звенели над озером.

Татьяна подошла к мальчишкам поближе, расстелила на светлом песке большое полотенце и стянула платье через голову, оставшись в купальнике. Не то чтобы она хотела обратить на себя внимание мальчишек, просто там, где они резвились, земля была относительно ровной, тогда как весь остальной берег спускался к воде под довольно крутым углом.

Мальчишки ее заметили, но игры не прекратили. Татьяна тоже не удостоила их особым вниманием. Вместо этого она поджала под себя ноги, выпрямила спину, положила руки ладонями вверх на колени и замерла.

Она расслабила мышцы лица, а затем и всего тела. Потом, как учила приятельница, представила, что теплая энергия распространяется по телу, заполняя каждую клеточку. При-

ятная тяжесть тут же разлилась по мускулам. Татьяна прямо чувствовала поток крови, несущийся по ее венам. Самое время открыть чакры и...

– Ты чего это делаешь? – раздалось вдруг над самым ее ухом. – Не уснула, часом? Так и до солнечного удара досидеть недолго!

Татьяна недовольно приоткрыла один глаз и уставилась на того, кто так бесцеремонно оторвал ее от занятия. Перед ней стоял невысокого роста веснушчатый паренек в огромном мятом картузе, постоянно сползающем ему на уши. Он то и дело поправлял его рукой.

– Привет! – осторожно сказала ему Татьяна.

– Здорово, коли не шутишь, – важно ответил мальчишка в картузе. – Ты кто? – по-простецки поинтересовался он.

– Меня зовут Таня, – представилась девочка.

– Городская?! – подозрительно прищурился малец.

– Нет, местная. Раньше мы жили в Санкт-Эринбурге, но уже давно перебрались сюда. Только я училась в интернате, а теперь вернулась. Живу на том конце деревни, – показала рукой Татьяна.

– Местная – это хорошо, – обрадовался мальчишка. – Мы городских не очень любим. Какие-то они странные! А меня Санькой зовут. Будем знакомы!

Они пожали друг другу руки. Трое Санькиных друзей прекратили игру и тоже приблизились.

– Это Витек, Мишка и Петька, – представил своих прия-

телей Санька. – А ее Таней зовут...

– А я тебя знаю! – воскликнул вдруг Петька. – Вчера вечером тебя видел!

– Где это? – удивилась Татьяна. – Я из дому-то вроде не выходила...

– Выходила-выходила! – со знанием дела заявил Петька. – Я живу неподалеку от вас. Вчера, когда совсем уже стемнело, ты у себя во дворе бродила! Папаша твой тебе что-то говорил, а ты все его приказы исполняла!

– Что?! – испугалась Татьяна. – Как это?

Она совершенно этого не помнила.

– Вот так! – Петька закатил глаза так, что стали видны белки, выставил перед собой руки и начал медленно вышагивать по песку. – Он тебе говорит: «Подойди к забору!» Ты идешь. Потом просит тебя принести ему камень от ограды. Ты поднимаешь и приносишь. Мне еще тогда все это каким-то странным показалось. Папаша твой и так страшный как черт. А тут еще так на тебя покрикивал! Мне даже как-то не по себе стало...

Татьяна ошеломленно его слушала. Мальчишкам же все это показалось донельзя смешным, и они громко захохотали. Только ей было не до смеха. Как она могла бродить по двору? В восемь вечера отец позвал ее в лабораторию для очередной инъекции, а потом... она отключилась.

Паренек явно что-то напутал.

Мальчишки посмеялись еще немного, а затем, потеряв к

ней интерес, вернулись к игре. А Татьяна поднялась с полотенца и пошла купаться. Она осторожно вошла в воду, ожидая, что та будет такой же холодной, как в озере возле «Хрустального ручья». Однако ее опасения не подтвердились – вода была теплой, как парное молоко, и девочка с радостью бухнулась в нее во весь рост.

Плавала она всегда очень хорошо, в отличие от той же Наташки, которая сразу камнем шла на дно. Поэтому, когда в интернате проводились занятия по плаванию, Наташка предпочитала отсиживаться на берегу и наблюдать за проплывающими мимо яхтами.

Наслаждаясь теплой водой, Татьяна грациозно перевернулась на спину и медленно поплыла, делая плавные махи руками. На другом берегу возвышался гигантский крутой утес, заросший густым, непроходимым лесом. Когда-то Таня слышала, что много лет назад там был устроен могильник для захоронения павшего скота. Когда лошади и коровы погибали от каких-нибудь болезней, их закапывали по ту сторону утеса. Но происходило это очень давно, больше ста лет назад.

Татьяна доплыла почти до середины озера и перевернулась на живот.

И тут ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Она быстро огляделась. На противоположном берегу, у самого подножия утеса, в густых зарослях стояла женщина в просторной светлой одежде. У нее были темные длинные волосы, перехваченные на лбу широкой лентой. Женщина, не от-

рываясь, смотрела на нее. Татьяне даже стало как-то неуютно под ее пристальным взглядом.

Девочка заслонила рукой от слепящего солнца и снова взглянула на незнакомку. Но той уже и след простыл. Будто растворилась в воздухе. Татьяна еще раз осмотрела окрестности, но никого не увидела. Недоуменно хмыкнув, она развернулась и поплыла к песчаному берегу.

Мальчишки уже закончили играть и отдыхали на мягком песке.

– Отлично плаваешь! – похвалил ее Санька. – Как настоящая пловчиха.

– Я с детства хорошо держусь на воде, – ответила девочка. – А во что это вы играли? Никогда такого не видела.

– В «плюшку», – сказал Витек. – Хочешь попробовать?

– Нет, – с улыбкой покачала головой Татьяна. – У меня так даже ноги не гнутся! Я лучше пойду прогуляюсь, погляжу на окрестности...

Татьяна вышла из воды и принялась вытираться полотенцем, затем промокнула волосы.

– А мы сейчас на развалины поместья пойдем! – похвастался Витек. – У нас там штаб!

– На какие еще развалины? – удивилась Татьяна.

– Ну вот! А еще говоришь, что местная. – Санька рассмеялся. – На развалины старинного графского дома, который по ту сторону Ведьминого утеса. – Он махнул рукой в сторону скалы. – Хочешь с нами? Тем самым докажешь, что ты

крутая!

Татьяна задумалась. Ей очень хотелось казаться крутой! Да и никаких других дел у нее пока не было.

– Хочу! – кивнула она. – А это далеко?

– Около часа ходьбы, если знаешь короткую дорогу.

– Погодите-ка! – спохватилась Татьяна. – А как же предупреждение о волках? По радио каждый день передают. Недавно опять корову задрали. Не боитесь, что на вас нападут?

– Волки только по ночам нападают! – со знанием дела заявил Витек. – К тому же нас много, и мы сможем отдубасить их палками!

Татьяна не могла не согласиться с такими доводами. И они отправились на развалины.

Солнце стояло высоко, было очень тепло, даже жарко. Татьяна не пожалела, что искупалась перед дорогой, – хоть ненадолго освежилась. В лесу раздавалось громкое пение невидимых птиц, приятный ветерок шевелил листву деревьев. Тропинка, ведущая к руинам, едва просматривалась в густой траве, сразу было видно, что ею не так часто пользуются. Компания обогнула озеро и направилась в сторону Ведьмино утеса.

– А почему утес называют «Ведьминым»? – спросила у мальчишек Татьяна.

– Понятия не имеем, – пожал плечами Витек. – Это надо у деда Семена спросить, церковного сторожа. Он все местные

легенды знает. А мы и не интересовались никогда.

– Утес уже давно так называется, – подхватил Санька. – Лет двести, наверное. С тех пор, как жили в этих местах три графини-ведьмы!

– Что? – удивилась Татьяна. – Здесь жили ведьмы?

– Говорят, – кивнул Санька. – Кстати, на развалины их поместья мы и идем! Что, струхнула?

– Вовсе нет! – поспешно покачала головой Татьяна, но по ее коже действительно побежали мурашки.

Вскоре тропа завела их в самое настоящее болото. Мальчишки резво заскакали по сырым, наваленным в грязную жижу бревнам. Им ведь это было не впервой, а Татьяна едва поспевала за ними.

– А вы уверены, что мы идем правильно? – наконец, не выдержав, спросила она. И тут же едва не провалилась между двумя полусгнившими бревнами.

– Конечно, уверены! – сказал Санька. – Это место называется Ягужинская гать! А сразу за болотом начинается поляна, где и стоят развалины.

– И вы ходите туда играть?

– Иногда.

– Что, лучшего места не нашли? – с улыбкой спросила Татьяна.

– Там хорошо, взрослых никогда не бывает, – ответил Санька. – Только поодиночке туда лучше не ходить.

– Почему?

– Жутко как-то становится.

Татьяне не слишком понравился его тон.

– Жутко?

– Да, – горячо подтвердил Витек. – Как вспомнишь все эти рассказы о графинях!

Нога Татьяны вновь соскользнула с бревна, и девочка с трудом удержала равновесие.

– А чем они занимались?! – нервно переспросила она.

– Да как обычно! Порчу наводили, погодой управляли. Ритуалы творили всякие нехорошие, – со знанием дела пояснил Санька. – Но это давно происходило. Так что ты не волнуйся!

– Сам сказал, что там жутко!

– Не знаю, как объяснить, – развел руками Санька. – Просто иногда чувствуешь, что там нечисто. Волнение какое-то нападает, беспокойство... Ни с того ни с сего вдруг мурашки по коже бегать начинают.

– А откуда вы знаете про ведьм? – спросила девочка.

– Так, говорю же, нам дед Семен рассказывал. Он в церкви сторожем служит и в нашем краеведческом музее подрабатывает. Очень многое знает о местной истории. Надо тебе как-нибудь с ним познакомиться. Он – мировой старик!

Болото закончилось, и они действительно оказались на широченной поляне. Со всех сторон это место обступал густой, непроходимый лес. В центре, почти неразличимые из-за буйных зарослей кустарника, возвышались руины граф-

ского дома.

Татьяна увидела почерневшие от времени стены, поросшие зеленым мхом, горы каменных плит, в беспорядке сваленных друг на друга. Из центра развалин поднимался гигантский, раскидистый дуб, его крона полностью закрывала на поляне солнце. Крыша дома кое-где еще была цела, в некоторых комнатах можно было даже укрыться от дождя и непогоды. Когда-то особняк окружала кружевная чугунная решетка, но со временем она почти полностью скрылась в сырой земле. В некоторых местах из густой травы еще торчали острые кончики ее прутьев.

– Пойдем внутрь, – позвали Татьяну мальчишки. – Не робей!

– Я и не робею. Просто как-то...

Санька вышел вперед и бесстрашно направился к развалинам. Остальные последовали за ним.

Штаб мальчишек располагался в самой дальней комнате разрушенного дома. Крыша тут держалась лишь за счет подпирающих ее снизу толстых ветвей дуба. Сквозь огромные дыры в каменном полу проросли березы. У выбитого окна стоял деревянный колченогий стол, рядом с ним виднелись две покосившиеся скамейки. На стене Татьяна увидела какое-то драное полотнище. Наверное, оно должно было изображать ковер.

– Мебель мы со свалки притащили! – хвастливо заявил Витек. – Надо же нам на чем-то сидеть! Ну как, нравится?

Татьяна осмотрелась и кивнула:

– Здесь действительно классно!

– погоди еще, сейчас картошки напечем! Мы позавчера ее на поле накопили!

Санька показал на развалившийся камин у стены. Когда-то это сооружение было очень красивым, на нем до сих пор виднелись следы изящной лепнины, но очаг уже полностью рассыпался. Камин был заполнен свежей золой, рядом стояло ржавое ведро с крупными картофелинами.

– Сейчас только дров найдем! – воскликнул Санька. – Тут рядом много валежника валяется.

– Я вам помогу! – с готовностью заявила Татьяна. – А еще у меня бутерброды с собой есть.

Все вместе они направились к здоровенной дыре в стене, за которой валялась упавшая сухая осина. Но вдруг Санька, идущий впереди, замер на месте и предупреждающе вскинул руку вверх.

– Стоять! – прошипел он. – Снаружи кто-то есть!

Мальчишки и Татьяна, стараясь не шуметь, подползли поближе к дыре и выглянули во двор.

На площадке, выложенной большими каменными плитами, и в самом деле кто-то стоял. Судя по фигуре, это была женщина.

– А говорите, что взрослых здесь не бывает, – прошептала девочка.

– Никогда раньше не было, – недоуменно сказал Мишка.

– А что ей сейчас тут...

Татьяна остолбенела. В прищелице, бродившей у развалин, она узнала Тамару Петровну Оболдину.

Женщина бродила по площадке у развалин и сосредоточенно разглядывала потрескавшиеся плиты у себя под ногами. А ведь должна сейчас быть в Санкт-Эринбурге! На ней была плотная брезентовая куртка с капюшоном, обтягивающие штаны цвета хаки и высокие сапоги до колен.

Вскоре Оболдина опустилась на корточки и начала ползать по плитам, вросшим в землю, тщательно ощупывая их края. Она словно искала что-то.

– Кто это? – шепотом спросил Витек. – Вроде не из местных.

– А я почему знаю? – огрызнулся Санька.

– Что ей тут нужно? – подал голос Мишка.

И лишь Татьяна молчала, пристально наблюдая за Оболдиной.

Та подняла что-то с земли. Это оказался короткий ломик с загнутым концом. Она обвела ломом вокруг одной из плит, счищая землю, затем попыталась подсунуть железяку под ее край.

Кусты боярышника у края поляны вдруг с треском раздвинулись, и к развалинам вышел еще один человек. Увидев его, Оболдина так и подскочила, от неожиданности выронив лом. Тот с громким лязгом отпрыгнул от плиты.

Незнакомец оказался высоким и красивым. На вид ему

можно было дать лет двадцать – двадцать пять. Смуглое лицо оттеняли длинные белоснежные – словно седые, – волосы, стянутые в хвост на затылке. В ухе пришельца поблескивала золотая серьга. Одет он был в темную походную куртку с капюшоном, такого же цвета штаны, высокие армейские ботинки. Из-за правого плеча виднелась рукоять какого-то жезла.

– Кто вы такой?! – испуганно выдохнула Оболдина.

– То же самое я хотел спросить у вас, – приятным голосом произнес пришелец.

– Я... я ищу кое-что! – пролепетала она. – Выронила тут ключи от машины!

– Ключи? – На его лице промелькнула хитрая усмешка. – Сдается мне, вы ищете здесь не ключи, а, скорее, двери!

Он сделал шаг ей навстречу. Оболдина попятилась и быстрым движением подняла с земли лом.

– Что вы такое говорите? – Она попыталась улыбнуться, хотя глаза испуганно забегали по сторонам. – Какие еще двери?

– Давайте начистоту, – серьезно сказал мужчина. – Все равно вам меня не обмануть. Вы прекрасно знаете, о чем идет речь...

– Вы меня с кем-то спутали... – взволнованно произнесла Оболдина.

– Отнюдь, – покачал головой молодой человек. – Мне приходилось видеть разные старинные портреты. Так что ваше

лицо мне знакомо, Магдалена.

Он медленно протянул руку за спину, ухватился за рукоятку, торчащую из-за его плеча, и одним движением выдернул ее. Солнечные блики весело заиграли на сверкающем серебристом металле. Татьяна и мальчишки тихо ахнули, увидев в руке незнакомца самый настоящий меч.

Светловолосый сделал еще один шаг к Оболдиной, выставив клинок перед собой. И тут Татьяна перепугалась не на шутку. Он же убьет Тамару Петровну! Нужно срочно что-то предпринять!

Но Оболдина вдруг громко расхохоталась неприятным, злобным смехом.

– Узнал, говоришь?! – воскликнула она. – В таком случае, у меня нет другого выхода!

Оболдина выхватила из кармана куртки небольшой блестящий дамский пистолет. Резко вскинула руку и выстрелила в незнакомца.

Выстрел опрокинул его на спину. С веток вспорхнули потревоженные птицы. Оболдина тут же развернулась на каблуках и опрометью бросилась в кусты. С громким шумом и треском ломающихся сучьев она исчезла из виду. А несколько секунд спустя до ребят донесся шум работающего двигателя. Где-то завелась машина, звук ее мотора начал быстро удаляться.

Татьяна и мальчишки испуганно переглянулись.

– Какого... – начал Санька.

И тут человек со светлыми волосами резко сел на земле.

Санька тут же смолк, уставившись на него во все глаза. Незнакомец осмотрел аккуратную дырочку в самом центре своей груди и громко выругался. Затем он проворно вскочил на ноги и, не обращая внимания на ранение, с мечом в руках помчался вслед за Оболдиной. Через пару секунд над развалинами вновь воцарилась тишина.

– Видали?! – испуганно пискнул Мишка. – Она стреляла в него, а ему хоть бы хны!

– Верно! – взволнованно сказал Санька. – Она должна была убить его этим выстрелом...

– Что-то расхотелось мне картошку печь, – вдруг произнес Витек и боязливо поежился. – А ну как они вернуться? Может, лучше по домам?

Санька и Мишка тут же согласно закивали. Татьяне тоже стало не по себе от увиденного. У Тамары Петровны был пистолет! И она хладнокровно стреляла в человека! Хорошо, что он оказался в бронежилете, но все же у нее даже рука не дрогнула, когда она пыталась его убить.

– Он назвал ее Магдаленой, – тихо произнесла девочка. – Как и Клавдия...

– Постойте-ка! – воскликнул вдруг Санька. – Магдаленой звали одну из сестер Ягужинских, тех самых ведьм, что жили в этом поместье!

– Что, думаешь, она вернулась домой через пару столетий?! – нервно хихикнул Мишка. – Проверить, не залез ли

кто в ее особняк?

На это Санька не нашелся, что ответить.

Они выбрались из руин и отправились обратно в деревню. По пути ребята практически не разговаривали, и лишь у самого Ягужино Санька произнес:

– Наверное, не стоит нам пока ходить на развалины? Мало ли что...

– Да уж, не стоит, – согласились остальные мальчишки.

– Приходи завтра на пляж, – обратился Витек к Татьяне. – Мы тебя сводим на вершину Ведьминого утеса. Оттуда знаешь какой вид открывается на озеро и деревню!

– Конечно, приду, – тут же согласилась Татьяна.

Она была рада, что у нее наконец появились друзья.

На окраине Ягужино все попрощались и разошлись по домам. Когда Татьяна вернулась к себе, машина Тамары Петровны уже стояла во дворе. Оболдина как ни в чем не бывало вместе с отцом попивала на кухне кофе.

– Как прогулялась, дорогая? – ласково осведомилась женщина.

Татьяна замерла на пороге, затем тихо сказала:

– Хорошо. Ходила на озеро...

Она стала подниматься по лестнице к себе, но вдруг остановилась.

– Тамара Петровна, – сказала девочка, – а вы тоже сегодня гуляли? Кажется, я видела вас у озера.

– Ты ошиблась, милая! – и глазом не моргнув, произнесла

Оболдина. – Я приехала из города лишь пару часов назад, и все это время мы с твоим отцом работали. Я даже никуда не отлучалась.

– Наверное, мне действительно показалось, – кивнула Татьяна и отправилась в свою комнату с твердым намерением рано или поздно разобраться со всеми секретами.

Глава девятая

Личный метаморф

Той ночью Татьяне приснился очень странный сон.

Она с группой других девушек, своих ровесниц, состояла в какой-то легкоатлетической секции и участвовала в соревнованиях. Они бежали по большому открытому стадиону, а болельщики на трибунах поддерживали их громкими криками. Татьяна никого не знала, но ребята, похоже, отлично знали ее. Во время пробежки они всячески подшучивали над ней и старались подбодрить.

– Давай, Ксюха, пошевеливайся! – крикнула одна из девушек.

Ксюха?!

Сон был очень реалистичным. Все будто происходило на самом деле. Татьяна словно существовала не в своем теле, жила чьей-то чужой жизнью. Их команда заняла первое место. После соревнований она с теми же незнакомыми девушками отправилась праздновать победу в какое-то кафе. Они шли по улицам гигантского мегаполиса, разглядывая серебряные небоскребы, сверкающие витрины супермаркетов и большие видеоэкраны, установленные прямо над тротуарами. Вокруг куда-то спешили многочисленные пешеходы, по дорогам двигалось множество разнообразных машин.

Татьяна понимала, что она находится в Санкт-Эринбурге. И это было самым странным. Ведь она была совсем крохой, когда отец уехал с ней в Ягужино, она просто не могла помнить город.

Проснувшись утром в своей постели, Таня не сразу поняла, где находится. Она откинула в сторону одеяло и вдруг ощутила, что ее руки сильно дрожат, а сердце гулко бьется в груди, словно она только что пережила нечто очень страшное. Девушка несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Определенно, с ней творилось что-то неладное. Может, действительно проклятый диабет давал о себе знать? И это был не сон, а галлюцинация? Она дотянулась до мобильного, лежавшего на подоконнике, и позвонила Наташке. Ей просто хотелось услышать голос подруги, узнать, как у нее дела. Но телефон Морозовой все так же не отвечал.

Мало того, номер Наташи оказался заблокированным.

* * *

Время в деревне летело очень быстро, не то что в интернате «Хрустальный ручей». Татьяна познакомилась еще с несколькими местными ребятами, обошла с ними все уголки Ягужино, побывала на вершине Ведьминого утеса и даже несколько раз сходила в лес за грибами.

Она ходила не только с мальчишками, но и одна, уже не

опасаясь волков, хотя по радио каждый день передавали последние новости о вконец распоясавшихся хищниках. За последнюю неделю звери задрали еще пару неосторожных коров. Правда, далеко от деревни Татьяна старалась не отходить, а в сторону развалин графского поместья боялась даже смотреть.

Девочка побывала в местном краеведческом музее и познакомилась с его смотрителем, которого все звали не иначе как дед Семен. Посетила местную церковь, так, из любопытства; побывала на конном заводе, где работал отец Саньки. Он даже устроил им небольшую экскурсию и показал самых породистых лошадей.

Как-то раз Татьяна попыталась расспросить деда Семена об истории Ягужино и обо всем, что связано с поместьем. Но старик понес такую околесицу, что Татьяна решила отложить разговор.

Днем она гуляла по округе, а по вечерам неизменно получала очередную инъекцию. И все так же каждый раз после укола она теряла сознание.

– Ничего страшного, – успокаивала ее Тамара Петровна. – Так и должно быть, мы ведь тебе говорили! Это значит, что ты на пути к выздоровлению!

Но, что удивительно, Татьяна по-прежнему совершенно не чувствовала себя больной. Станных снов она больше не видела, постепенно и тот, где ее звали Ксюхой, стал забываться.

Вот Оболдина не внушала больше доверия. Татьяна старалась держаться от нее как можно дальше. Она еще помнила, как Тамара Петровна стреляла в того беловолосого парня. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, словно ей уже приходилось делать это раньше, и не раз. Определенно, Тамара Петровна была вовсе не той милой светской дамой, за которую себя выдавала.

Иногда кто-то звонил Оболдиной по сотовому телефону. Тогда она уходила в свою комнату и плотно закрывала дверь, словно опасаясь, что ее подслушают. Но до Татьяны доносились обрывки фраз о каком-то «Черном Ковене», каких-то экспериментах. Пару раз Оболдина упоминала в разговоре «Хрустальный ручей» и произносила странное слово «метаморф». Заканчивая свои телефонные беседы, Тамара Петровна, как правило, говорила:

– Целую, милая ученица! Оставайся на связи.

Татьяна все больше недоумевала. У Оболдиной есть ученики? Да чем же она занимается в конце концов?! Того светловолосого мужчину, в которого стреляла Оболдина, Татьяна больше не встречала.

Через пару недель после похода на развалины графского поместья случилось нечто очень странное. Девочка не лишилась сознания после очередного укола. Татьяне самой это показалось удивительным.

Отец вынул шприц из ее руки и повернулся к своему столу, а она лежала на кушетке, ожидая, когда ее отпустят. И в

этот момент отец вдруг произнес твердым, четким голосом:
– Слушай меня внимательно! Встань с кушетки, подойди к моему столу, открой верхний ящик и достань из него пистолет!

Глаза Татьяны испуганно расширились.

– Зачем? – спросила она.

Отец и Тамара Петровна, также находившаяся в тот момент в подвальной лаборатории, онемели, услышав это. Они уставились на нее так, словно у нее вдруг рог на лбу вырос. Татьяна села на кушетке и невольно поежилась под их взглядами.

– Зачем мне брать пистолет? – повторила она свой вопрос. А затем добавила: – Я и не знала, что он у тебя есть...

Оболдина громко и неестественно рассмеялась.

– А... а это твой папа просто пошутил! – воскликнула она. – Ах какой шутник! – Она шутливо погрозила Александру Борисовичу. – А теперь, Танечка, иди к себе. Отдохни!

Татьяна с облегчением спрыгнула с кушетки и пошла наверх.

Эти двое внушали ей настоящий ужас. Отец так и буравил ее потрясенным взглядом, она прямо спиной это ощущала. Поднявшись по лестнице и выйдя в прихожую, Татьяна не отправилась в свою комнату. Она осторожно прикрыла дверь подвала и прижалась ухом к замочной скважине. И не пожалела об этом, так как тут же услышала:

– Что происходит, черт побери?!

Это произнесла Тамара Петровна. И ее голос звучал властно и очень злобно, совсем не так, как обычно.

– Девчонка не отключилась! Она не исполнила приказ! Как это понимать?!

– А я почему знаю?! – рявкнул Александр Борисович. – У меня такое впервые, вы же знаете! С самого начала экспериментов она всегда впадала в транс и была готова исполнить любое приказание...

– Но сейчас-то этого не произошло! Почему?!

– Скорее всего, ее организм приспособился к этой концентрации «спящей красавицы». Нам нужно увеличить дозу препарата, и тогда все будет нормально.

– Вы так считаете?

– А у вас есть другие предположения, Тамара Петровна? Оболдина долго молчала, а затем холодно произнесла:

– Девчонка – явный метаморф. Может, ее организм действительно со временем привык к сыворотке? Плохая новость! Значит, это может случиться и со всеми другими отродьями.

Татьяна даже перестала дышать.

– Я продолжу работу и разработаю новую разновидность «спящей красавицы». Такую, которая не даст сбой...

– Вы уж постарайтесь, Александр Борисович. Ваша работа очень важна для корпорации и для нашего «Ковена». Благодаря вам мы сможем держать метаморфов под контролем, управлять ими. А вы будете хорошо обеспечены на всю

оставшуюся жизнь. Мсье Леонид очень щедр в таких вопросах.

– Не беспокойтесь, – заверил отец Татьяны. – Это ведь первый прокол за много лет. У меня никогда не было ошибок за все те годы, что мы испытываем разновидности сыворотки на этой девчонке и других метаморфах «Хрустально-го ручья». Кстати, нам следует провести тестирование. Девчонка ведь до сих пор не показала никаких способностей. А у других метаморфов в ее возрасте дар уже проявляется!

– Действительно, – согласилась Тамара Петровна. – Как-то необычно... за исключением того, что она перестала реагировать на ваш препарат. – Она тихо рассмеялась. – Все-таки хорошо, что мы узнали об этом сейчас, еще есть время, чтобы провести работу над ошибками. Как удачно, что у вас в качестве подопытного кролика есть свой личный метаморф!

Татьяна слушала и не могла поверить в то, что слышит.

Она – метаморф?! Но что это значит? И почему собственный отец использует ее в качестве подопытного кролика, чтобы испытывать на ней какую-то «спящую красавицу»?!

Чем больше она об этом думала, тем страшнее ей становилось. Значит, она вовсе не больна!

Они использовали ее. Вкалывали какую-то гадость под названием «спящая красавица», а она потом превращалась в зомби и выполняла все их приказы! Вот почему Петька видел ее тогда во дворе. Она была в трансе, а отец ставил над

ней эксперименты!

Она ведь и в интернате лишалась сознания всякий раз, когда медсестра вводила ей сыворотку, присланную отцом. Значит, и Анастасия Павловна с ними заодно! У нее ведь такой же перстень, как у Оболдиной! Да это настоящий заговор!

На лестнице послышались шаги. Кто-то поднимался из лаборатории. Девочка сломя голову кинулась в свою комнату. Там она, не раздеваясь, рухнула на постель и с головой накрылась одеялом. Она никак не могла успокоиться и так и повертелась до утра.

Кто такие метаморфы? В «Хрустальном ручье», по словам Оболдиной, их было несколько. Интересно, кто из воспитанников к ним относится? И знают ли они сами об этом?

Татьяна думала всю ночь и наконец решила, что ей следует проникнуть в лабораторию отца и обыскать его рабочий стол. Как знать, может, там она найдет хоть какие-то ответы на свои вопросы?

Случай представился очень скоро.

На следующий день Оболдина с отцом начали собираться в город. Татьяна уснула уже под утро, поэтому открыла глаза лишь во второй половине дня. Тамара Петровна заглянула в ее комнату и изобразила на лице одну из своих обворожительных улыбок.

– Дорогая, мы с Александром Борисовичем съездим в институт. Ты не будешь скучать?

– Нет, – покачала головой девочка. – Я пойду на озеро.
– Чудненько!

Когда Оболдина скрылась, Татьяна откинула одеяло и подошла к окну. Она так и не переделась вчера и заснула в своих потрепанных джинсах и футболке.

На ее глазах машина Оболдиной выехала со двора и умчалась прочь. Александр Борисович сидел рядом с Тamarой. Татьяна быстро спустилась в подвал и подергала ручку двери, ведущей в лабораторию, – заперто, как и всегда. О том, чтобы взломать замок, не могло быть и речи: отец с Оболдиной сразу заметили бы. Но в подвал вело маленькое слуховое окно, выходящее во двор. И девочка решила попытаться проникнуть в лабораторию через него.

Татьяна вышла из дома, обошла его и остановилась у низкого оконца. Оно было квадратным, около полуметра в ширину и высоту. Когда-то его ставни открывались, но сейчас они были крест-накрест заколочены грубыми досками.

Девушка отправилась в сарай, отыскала среди инструментов монтировку с длинной рукояткой. Затем она подсунула ее между досок и надавила. Гвозди с громким скрипом вышли из деревянной рамы.

Доски удалось оторвать с первого раза. Затем она воткнула острый край монтировки под ставню и нажала. Окно открылось.

Татьяна распахнула тяжелые ставни и подперла их монтировкой, чтобы они не захлопнулись. Только после этого она

протиснулась в узкое окно и прыгнула на пол подвала.

В лаборатории все выглядело как вчера, только на отцовском столе лежал диктофон, а на стеллажах с реактивами царил идеальный порядок.

Татьяна огляделась, не зная, с чего начать поиски, взяла в руки диктофон, на который отец обычно наговаривал информацию о ходе исследований, отмотала пленку назад и включила воспроизведение.

– ...Первый вариант «спящей красавицы» действует отлично, – слышался приглушенный голос Александра Борисовича. – После каждого приема объект впадает в забытие, лишается воли и беспрекословно исполняет все приказы. Когда действие сыворотки заканчивается, объект ничего не помнит...

Татьяна судорожно вздохнула: «объект» – это про нее.

– ...Вчера произошел странный инцидент, – продолжал голос на пленке. – После очередного укола сыворотка не подействовала. Объект не впал в транс. Что это могло быть? Тамара Петровна предположила, что действие препарата блокируют просыпающиеся способности метаморфа. Я пока в этом не уверен. Объект до сих пор не проявлял никаких способностей...

– И все же мне кажется, – слышался из динамика голос Оболдиной, – что у девчонки развивается иммунитет. А может, у нее открылась невосприимчивость к ядам? Мне приходилось о таком слышать...

– Невосприимчивость к ядам? – удивленно переспросил отец.

– Да. Почему бы вам не попробовать вколоть ей какую-нибудь отраву слабой концентрации? Тогда мы сразу все поймем...

– А это мысль...

На этом запись оборвалась.

Отраву?! Татьяна, холодея от страха, вернула диктофон на место. Они совсем спятили?! Но как может отец так с ней обращаться? Может, это Оболдина его заставляет?

Татьяна выдвинула верхний ящик стола. Пистолета в нем не оказалось, но он был доверху забит бумагами – непонятными таблицами, диаграммами, формулами. Среди всего прочего Таня заметила старую, пожелтевшую от времени, сложенную газету. На ее первой полосе была помещена какая-то крупная фотография.

Девочка вытащила газету из ящика и развернула ее.

С черно-белого снимка улыбалась группа людей в белых халатах. Врачи? Нет, ученые. Статья называлась: «Коллектив лаборатории профессора Штерна на грани фантастического открытия!» Со снимка смотрело пятеро мужчин и одна женщина, под фото перечислялись их фамилии. Штерн – высокий, тощий старик с длинными седыми волосами; Винник – маленький, кругленький, с добрым лицом; Ларионов – тоже невысокий, с хитрым взглядом; Гришин – широкоплечий здоровяк с фигурой борца-тяжеловеса, Федоров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.